ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ — ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Анатолий АФАНАСЬЕВ

РЫЦАРЬ БЕЗ ДОСПЕХОВ

У КАЖДОГО времени есть свои герои, но далеко не каждый герой обитает в соответствующем его личности и призванию времени. Это надо понимать, разумеется, в литературном смысле. Тот же знаменитый «лишний человек» во всех его ипостасях был, как правило, отторгнут от своей среды, отстранен от своего времени, и не в силу каких-то чрезвычайных обстоятельств, а именно по свойствам натуры, по духовным склонностям, в конечном счете по неадекватности мироощущения. Кто они — Онегин, Печорин, Обломов, Райский и другие? По сегодняшним литературным меркам их героями не назовешь — персонажи. Причем положительные или отрицательные, тоже не разберешь. А ведь великие типажи, выписанные гениальной кистью, с ярчайшей национальной принадлежностью, а главное, как раз в них, в их характерах и судьбах, сконцентрировались центральные противоречия и борения сопутствующего им времени. В чем тут дело? Уж не в первую ли очередь в уникальной исторической прозорливости их создателей, обладавших ослепительной художнической интуицией?

Художник, одинокий странник, творческим усилием создает новую реальность, новый мир, населяет его живыми людьми, а после бродит по этому миру, озираясь, многого сам не узнавая, с горечью и удивлением вспоминая, что в начале работы хотел сказать совсем не то, что сказалось. создатель взирал в некоторой растерянности.

Мне показалось интересным то место в диалоге М. Синельникова и В. Тельпугова, где они рассуждают об «идеальном» и положительном герое. О том, что отношение к этому герою ни в коем случае не должно быть догматичным.

Положительный герой в том значении, в котором принято говорить о нем сегодня (то есть во многом герой идеальный, социально активный, но занятый преимущественно повседневными, насущными делами), легко рождался литературой в переломные эпохи, в пору революционных битв и социальных потрясений. Объяснение тому, кажется, самое простое. Герой, и идеальный, ярче всего высвечивается в действии, в борьбе, в преодолении. На что уповали литературные герои (Корчагин, Давыдов и другие) и с чем боролись прежде всего? С голодом, разрухой, лютым классовым врагом, иноземным завоевателем. Тут уж было не до самокопаний, и авторы особенно не заботились о разработке характеров и художественном антураже — вопрос-то стоял жестко: жизнь или смерть, свобода или рабство. Героям было где развернуться и себя показать, масштаб действия ассоциативно создавал масштаб личности (если, сделаем необходимое отступление, речь шла не о ремесленных подделках).

А что доводится преодолевать нынешнему герою? Рутину, мещанство, предрассудки

Сами писатели, что греха таить, как бы малость растерялись и начали искать утешение то в поклонении патриархальным ценностям, то в создании фантастически нереальных, механических людей, всех этих худосочных детей научно-технического прогресса. Мне лично, как ни вызывающе это прозвучит, все же больше по душе тот герой, который пока в некотором недоумении почесывает в затылке, а не вещает с видом оракула преподнесенные ему в школе азбучные истины или размахивает картонным мечом, никому особого вреда не принося, но производя много лишнего шума. Тот, который в раздумье, все-таки кое-что уже знает, и силы в нем, если доброжелательно приглядеться, зреют немалые. Хотя, конечно, посчитать рефлектирующего героя, будь он хоть семи пядей во лбу, положительным очень трудно, даже если его таковым принудительно объявить.

Если внимательно вчитаться в прозу последних, скажем, двух десятилетий, то легко заметить, что поиск ультрасовременного героя ведется в ней довольно интенсивно, но, к сожалению, как бы это сказать, теоретически. Современный герой литературы большей частью моделируется, а не угадывается. В зависимости от степени одаренности авторов он бывает более или менее жизнеподобен, но всегда имеет множество двойников, потому не запоминается. Общий портрет его таков — это молодой (по-

щий робот, естественно, в конфликтных ситуациях, надо и не надо, он непременно норовит пожертвовать жизнью во имя общего дела — такова уж идеальная схема.

Место действия подобных произведений, как и вещная атрибутика, естественно, предельно осовременено — большая стройка, научный комплекс, экспериментальная лаборатория, иногда крупное сельскохозяйственное предприятие; окружение героя тоже вполне узнаваемо — все эти молодые и средних лет карьеристы, милые старички, познавшие жизнь во всех ее проявлениях, отставшие от жизни спецы, восторженные подруги героя и женщины-хищницы; неизбежный противник героя — маститый ученый-рутинер, директор, начальник производства и т. д. — не важна должность, важна тенденция. Созданный по схеме, но с добрыми намерениями «идеальный» герой, как и следует, к концу повествования оказывается победителем и с честью выходит из всех затруднений. Узелок, к удивлению читателей, разрубается в этих случаях топором.

Произведения, где подвизался идеальный герой, не отображали жизнь, как она есть, а создавали легенду о жизни, выстраивали некий каркас, не облеченный живой плотью. Держался этот каркас не на натуральных жизненных драмах, а на сенсационных, так называемых «новых вопросах».

И вот тут главная беда, главный просчет — «идеальный» герой последнего времени задумывался о чем угодно, но только не о центральных вопросах бытия, извечных, как сам мир. Он мог страдать из-за нерешенных производственных проблем и даже от семейных неурядиц, но уж никак не из-за вопроса: как жить и зачем жить на свете? Подразумевалось, видимо, что эти безыскусные вопросы ему давно и заведомо известны, точнее — не вопросы, а ответы на них.

И еще очень важное: «идеальный» герой создавался умозрительно, по давно апробированным, лишь слегка подкрашенным схемам и трафаретам, никак не подходящим к новым условиям жизни. Тот самый рефлектирующий герой, почесывающий в затылке, бездеятельный, обруганный, редко, кстати, выходящий на журнальные страницы, в скромно прячущийся под книжными обложками, все-таки более реален, современен и, как ни странно, остроконфликтен. Его попросту не признали и второпях приписали ему такие черты, каких он отродясь не имел. Дело-то в том, что этот самый «слабодушный» герой страдает и мается не в тисках роковых треугольников, что находится на поверхности, он не справляется с качественно новыми духовными перегрузками, не поспевает за колоссально изменившимся и убыстрившимся ритмом существования. Этот герой, запутавшись в красочной, безумной круговерти городского быта, вдруг отчетливо и ясно ощущает свое духовное одиночество, боль и тоску по уходящим, еще вчера, казалось, нетленным жизненным символам и ценностям. Его нравственная интуиция, неизменная отныне и вовеки, переживает странный кризис переориентации. Принципы остались прежними, обстоятельства кардинально изменились. Было так, словно он задремал под родной березкой, а очнулся в летящем невесть куда реактивном самолете. Тут впору от удивления и за голову схватиться.

Нынешний положительный герой, если его встретить в жизни, производит, конечно, не очень приятное впечатление: он неудобен, нелицеприятен. Это какой-то не совсем уравновешенный человек, который бросается из крайности в крайность, и хотя помыслы его чисты, поступки далеко не всегда соответствуют намерениям. И опять же все дело в его раздвоенности. Умом он готов признать и понять неизбежность происходящих и уже свершившихся в обществе глобальных перемен, более того, он порой их активный участник и движитель, но сердцем, нервами он еще не освоил эти перемены. И это, в общем-то, хорошо и обнадеживает, а то ведь как бы, побежав вдогонку за прогрессом, не потерять по дороге то, без чего и сам прогресс становится бессмыслен и нелеп. Торопиться не следует в жизни, а уж тем более в литературе.

Однако время не ждет, оно требует своего героя — где он, какой он? Это требование понятно, оно законно. Без идеала, что ни говори, жизнь скучна и пресна. И такого рода жажду читателя не может удовлетворить полностью герой, пребывающий на распутье, пусть и взыскующий, пусть вызывающий сочувствие, склоняющий к раздумьям и тревожащий душу, но все же не указывающий своим деянием, именно деянием, истинный путь. Тем более нелеп сегодня герой сконструированный, ходульный, преодолевающий все преграды словно с помощью волшебной палочки; да и рвется-то этот «рыцарь в доспехах» все куда-то вверх и вверх, куда обыкновенному читателю и ходу нвт, да нет порой и охоты рваться.

А может, он все-таки не узнан, хотя сравнительно давно присутствует в нашей сегодняшнвй литературв? Не узнан и не обозначен потому, что это «рыцарь без доспехов», что слишком переменчива и многолика его физиономия и никак не складывается в единый образ? Не попробовать ли посмотреть на вопрос с другой стороны, не совсем обычной? Что если принять за образ положительного героя калейдоскопически пестрый портрет нашего времени, времени диковинных перемен и свершений? Оно сегодня неумолимо и невеликодушно к своим человеческим детям, пытающимся зв ним угнаться, зато предполагает переход на новую, более высокую ступеньку духовного совершенствования.

Это процесс мучительный и нестабильный. Но не новый.

судьбах, сконцентрировались центральные противоречия и борения сопутствующего им времени. В чем тут дело? Уж не в первую ли очередь в уникальной исторической прозорливости их создателей, обладавших ослепительной художнической интуицией?

Художник, одинокий странник, творческим усилием создает новую реальность, новый мир, населяет его живыми людьми, а после бродит по этому миру, озираясь, многого сам не узнавая, с горечью и удивлением вспоминая, что в начале работы хотел сказать совсем не то, что сказалось.

Кому не хотелось написать «вполне прекрасного человека», достойного подражания, одним своим явлением вселяющего надежду в отчаявшихся, темпераментно воплощающего в себе самые перспективные духовные идеи времени, и в то же время живого, самобытного человека, — кому не хотелось написать, а многим ли удавалось? Достаточно вспомнить титанические усилия Н. В. Гоголя или князя Мышкина, на которого, надо полагать, сам

...рухой, лютым классовым врагом, иноземным завоевателем. Тут уж было не до самокопаний, и авторы особенно не заботились о разработке характеров и художественном антураже — вопрос-то стоял жестко: жизнь или смерть, свобода или рабство. Героям было где развернуться и себя показать, масштаб действия ассоциативно создавал масштаб личности (если, сделаем необходимое отступление, речь шла не о ремесленных поделках).

А что доводится преодолевать нынешнему герою? Рутину, мещанство, предрассудки и т. д. Не правда ли, ощутимая разница ситуаций? Зло-то, естественно, осталось, но приняло оно иные обличья, и, сталкиваясь с этим по-новому себя проявляющим злом, герой нынешней прозы вдруг все чаще начал задумываться о самых обыкновенных вещах, задумываться и страдать, ибо не имел уже возможности выхватить револьвер и всадить обойму в лоб этому самому тщательно маскирующемуся злу, иных способов борьбы с напастью вроде бы еще и не видя.

...но объявить.

Если внимательно вчитаться в прозу последних, скажем, двух десятилетий, то легко заметить, что поиск ультрасовременного героя ведется в ней довольно интенсивно, но, к сожалению, как бы это сказать, теоретически. Современный герой литературы большей частью моделируется, а не угадывается. В зависимости от степени одаренности авторов он бывает более или менее жизнеподобен, но всегда имеет множество двойников, потому не запоминается. Общий портрет его таков — это молодой (пожилой) интеллигент, ученый, организатор, реже рабочий, обладающий недюжинными способностями, колоссальной энергией и почти патологической честностью; его честность почему-то такого свойства, что поначалу от нее обязательно страдает и он сам, и окружающие. К недостаткам этого героя можно отнести — с натяжкой — унылую твердолобость и одномерность в области обыкновенных человеческих чувств. Это некий рыцарь научно-технической революции, мысля-

ХАРАКТЕРЫ,
ХАРАКТЕРЫ,
ХАРАКТЕРЫ...

Фото Т. БАЖЕНОВА и В. КРОХИНА

НАВСТРЕЧУ VIII ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Павло МОВЧАН

ПОСЛЕ ДЕБЮТА

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

СОЗДАЕТСЯ впечатление: стоит нам согласиться с утверждением, что молодое поколение в поэзии существует, как тут же и появятся отличные стихи и новая поэтическая волна поднимет нас на свой гребень, явив невиданные горизонты. В частности, молодые украинские критики пафос ряда своих статей направляют на «поколениеутверждение»: дескать, есть новое поколение, поколение 80-х! Есть так есть, но что же именно стоит за ним? Ведь не считать же поколение каким-то количественно-временным понятием... Скажите, пожалуйста, а Пушкин или Шевченко — поколение? Нет, имена — на все поколения. Я понимаю, что слишком высокие беру примеры. Но ведь большинство из нас живет с ощущением, что мы — всего лишь почва дня грядущего, подножие для будущих творческих взлетов. Может быть, это от повышенного чувства оптимизма, а может — от комплекса неполноценности? У нас есть основания для подобных рефлексий: дети войны и тяжкого послевоенного времени, недоучившиеся, многого лишенные, зато нацеленные на то, что все впереди... Те, кого потом назвали «шестидесятниками», хоть и не сразу, постепенно, но вышли на передние рубежи... А точнее — отвоевали: напором, волей, силой. Какой мощный был пафос самоутверждения! Достойный удивления. Теперь с расстояния довольно-таки значительного видна и декларативность, и натужная интеллектуальность, а иногда и спекулятивная «актуальность» некоторых произведений. Тогдашний читатель, такой же, как и поэт, жаждущий сильных ощущений, часто более «нахватанный», нежели глубокий, поощрял творцов «нетленок», устраивал заторы у концертных залов. Поэзия стала эстрадной, поэты приобретали вторую профессию — актерскую. И как же быстро вживались в свои роли! Но мы не замечали этого, мы все им прощали (из тумана забвения еще не всплыли имена тех, кого они заместили: Заболоцкого, Пастернака, Антонича, Галактиона Табидзе, Богдановича и других).

Никто сейчас не сомневается в том, что они заняли свое место в литературе. Заняли, ясное дело! Теперь они уже активно прописываются в ее истории. Все то, что их, и даже то, что не их — с ними. Есть и пребудет. Но!.. Прошли десятилетия, и вдруг из-за театральных декораций выглянули лица тех, кто и по возрасту вроде бы относился к тому же поколению, но от своих предшественников отличался взвешенностью языка, естественностью голоса. И тут сработал принцип классификации — их окрестили «тихими». В народе говорят: хоть горшком назови, только в печку не ставь... Была бы поэзия.

А теперь давайте еще раз обернемся назад. Где они, вчерашние гении, будоражившие наши умы? Почему мы так быстро отреклись от них и вот уже жаждем новых, **истинных**? Сфабриковать таковых можно. Только стоит ли? Вопрос не риторический. Ну, щедро выдадим авансы, льготы, создадим микроклимат... А может быть, трудности, которые выпадают на долю «истинных», именно и нужны им, чтобы понять: поэзия, слово — это доля, судьба! Не игра и не добыча, а нелегкое бремя, о чем так точно сказал А. Т. Твардовский: «Нужно прежде потрудиться, душу отдать делу самоотверженно и бескорыстно, а потом уже, может быть, спрашивать об «этаком».

НАША критика в разговорах о молодой поэзии не лезет в карман за именами. Называются самые разные. Причем ни у кого не возникает сомнения относительно наличия «этакого» у каждого из поименованных — а их уже набирается не менее полсотни — поэтов. Не много ли? Ну, возьмем хотя бы перечень из недавней статьи в «ЛГ» А. Шаталова: двадцать пять имен... Не меньше десяти насчитывает и жаждущий «органичной поэмы широкого общественного звучания» П. Ульяшов. Я не стану отстаивать свои «ряды», хотя и у меня на уме есть группа поэтов, которым не могу отказать в «этаком». У них есть талант, подлинность, но... пока не вышло ни одной поэтической книжки. Кто же они — эти «молодые», тридцатипятилетние начинающие? В частных беседах критики склонны утверждать, что им просто не повезло, как и нынешним «сорокалетним» в прозе: очутились между двумя волнами. Но разве можно говорить о том, повезло или не повезло Лермонтову, когда он попал на Кавказ, или Шевченко, которого загнали в солдатчину? Разве можно завидовать их судьбе? На эти ностальгические настроения очень точно ответил А. Кушнер: «Времена не выбирают, в них живут и умирают», потому что «время — кожа, а не платье».

Воистину всему свое время. И Евтушенко, и Шкляревскому, и Ребровой... Мы имеем тех поэтов, которых имеем. И никакие мероприятия не создадут столь необходимого всем сегодня гения. Все тот же А. Шаталов замечает: чего только не делается сегодня, чтобы «поймать» новый талант, помочь его поэтическому становлению — и ежегодные фестивали, и совещания, и альманахи, но... Но все наше внимание фокусируется на одних и тех же именах. На Украине — Ю. Буряк, В. Герасимюк, С. Короненко, И. Рымарук, в России — П. Кошель, О. Ермолаева, Т. Реброва, Н. Дмитриев, Г. Красников, И. Жданов, О. Хлебников, в Литве — А. Грибаускас, Г. Патацкас, в Молдавии — Н. Попа, Н. Жосу, А. Сучевяну, в Грузии — Л. Стуруа, Б. Данелиа, В. Харчилава, Т. Бекишвили. Это самые яркие представители той новой приливной волны, которая впечатляет критиков не столько своей высотой, сколько протяженностью, ибо действительно с каждым годом «число стихотворцев растет». А когда их было меньше?..

В последние годы мы стали свидетелями бесконечных дебютов. Разных: интересных, менее интересных, ученических, оригинальных, однако почему-то до сих пор тоскуем по значительным художественным открытиям, которые явили бы лицо поколения и указали магистральное направление его поисков. Но поскольку ожидание таких открытий есть, то будем считать его и условием их появления. Хотя даже оптимисты отмечают у молодых один недостаток — печать «сделанности», лежащей на произведениях даже тех авторов, которым в литературном опыте не откажешь.

Имитация, явная искусственность, стремление оседлать чужую эмоциональную волну, вжиться в чужие роли, пусть и близкие по темпераменту и душевному складу,—симптомы, характерные не только для, скажем, новых молодых. Они сопровождали каждое поколение, и обвинять нынешнее во всех грехах, очевидно, не следует. Симптомы «арифметичности» были замечены критиками значительно раньше. «Выправление чуда на число» происходило всегда. Но вот маскировка числа под чудо — это уже сегодняшнее приобретение. И тут «комплиментарная критика» и «критика замалчивания» сыграли и продолжают играть свою далеко не благую роль.

Ну, посудите сами: не успела молодая поэтесса Теодозия Заривна опубликовать в журнале «Дніпро» (№ 4, 1983) подборку стихов, как молодой же критик провозглашает ее «молодым мастером», «яркой поэтессой». И далее критик приводит строки, явно спетые с чужого голоса, строки, которым недостает как раз безыскусности и органичности. А скажите на милость, когда это «индивидуальность поэтической интонации» считалась «достоинством, которое само по себе трудно переоценить»? Вот до чего мы уже договорились! Значит, обнаружив у кого-то из поэтов «образную систему», надо немедля отливать ему памятник?! А уж тому, кто зарифмует пару сот строчек, прочить «всенародное признание»...

Как тут не вспомнить В. Кардина: «Критик, склонный к панегирикам, обычно хвалит не за то-то и то-то, а потому-то и потому-то. Потому что «надо», «разумно», «целесообразно», выгодно (с разных точек зрения, от откровенно-групповой до возвышенно-воспитательной)». В приведенном выше случае, как я понимаю, мы имеем дело с возвышенно-воспитательной целесообразностью. Хотя яснее ясного, что подобные аттестации не на пользу молодым. Более того — они их дезориентируют, выдавая первые шаги за «шаги командора», уверенные, гранитные — с пьедесталов литературы на пьедесталы жизни. Или наоборот. И тут уж невозможно промолчать и очень хочется спросить адептов молодого поколения: позволено ли поэзию, как и литературу вообще, превращать в некое общество взаимного восхищения? Вслушайтесь в интонации: «Нетрудно убедиться в том, что она (поэзия молодой смены) настолько граждански значима, насколько и может быть Поэзия с большой буквы».

А вот из истории литературы вспоминается такое: «В семье второстепенных русских поэтов г. Фету, бесспорно, принадлежит одно из видных мест». Сурово, несправедливо — или предвзято? Нет, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин — а именно ему принадлежит эта оценка — в своей рецензии не переливал елея, ему было важно предупредить и уберечь многих «подражателей» и «последователей» от «эмбрионической поэзии», чтоб они, последователи, завладев «пышною ризой богатого патрона», не разорвали ее на кусочки. Зато наши молодые, ничтоже сумняшеся, вырывают лоскутки из риз избранных ими учителей (И. Драча, М. Винграновского, Л. Костенко, И. Жиленко), ведь за это никто не осудит, наоборот— поощрят похвалами в преемственности, верности пути.

ДЕБЮТОВ много — имен мало. И никакими пожеланиями здесь не поможешь. Искусственный литературный микроклимат не способствует сосредоточению, а лишь ускоряет процесс поглощения и усреднения, девальвации тех ценностей, которые были добыты предыдущими поколениями в поэзии. Калька, тиражирование активизируют процесс стереотипизации. Глядишь, и принятый от предшественников золотой окажется размененным на горку медяков. Духовный эклектизм, как мне видится, явление новое, и его, как это ни странно, демонстрируют именно самые молодые. Но почему об этом опять-таки молчит критика, словно бы не замечая того, как переработанное слово (Б.-И. Антонича или М. Цветаевой и т. д.) вводится в новые поэтические периоды? Потребительство в литературе не менее печальный факт, чем потребительство в жизни.

Академик В. М. Жирмунский, изучавший русскую поэтику, заметил, что «второстепенные» (воспользуемся выражением Салтыкова-Щедрина) поэты способствуют утверждению, укоренению существующих традиций и как бы определяют будущие тенденции. Может быть, и в самом деле сегодняшние молодые являются источником действительно нового взлета поэзии, который существует или зачинается — вне любого программирования — как самодвижущаяся идея? Но так или иначе, говоря о молодой поэзии, мы выходим на проблему ее завтрашнего дня, ибо любые футурологические аспекты просматриваются через сегодняшнее состояние нашей духовности. А здесь все не так гладко, как хотелось бы (нельзя же считать случайными те темы в литературе, которых все чаще начинает касаться наша критика: «вещизма», «мещанства» и т. д.). Нельзя, увы, не заметить, как снижается градус духовности в поэзии, не безразличной к явлениям жизни. Слово как бы находится под техническим прессингом: слово на пленке, слово на металле, на смоле... Слово электролизованное. Оно материализуется благодаря механике. Оно словно бы утрачивает свою собственную энергию, подключаясь к другой энергосистеме. Пустые, девальвированные слова становятся «на поток», отдавая гулом репродукторов, актерской декламацией, риторической пышностью.

Представители всех прошедших поэтических поколений, а точнее их выразители, стремились к некоему идеальному тексту и оттого были обуяны идеей постоянного и настойчивого самоусовершенствования, поиска. Не **достижения**, а **самоусовершенствования**, которое и является движущей силой творчества. Увы, некоторые наши поэты эту насущную потребность подменили идеей достижения. Критики же своими воскурениями лишь убаюкивают, усыпляют музу, повторяя: «Поэт достиг...», «Поэт на гребне!..»

К сожалению и у большинства молодых заметна та же ориентация на уже достигнутое; вот вам и причина отсутствия у них «лирического дерзания» (И. Ростовцева). В самом деле — для чего дерзать, если есть принятые, утвержденные и апробированные «идеальные» поэтические тексты, то есть творческие образцы? Ради чего же терзать свою душу? Легче и вернее сесть на объезженную лошадку, чем приручать норовистого скакуна.

Но, с другой стороны, — какие же это достижения — без обновления? И вот вместо живой мысли и чувства идет постоянное их комбинирование, поэтический коллаж, составные для которого берутся из разнообразных источников, у представителей разных поколений. Метафоры, образы предшественников-учителей, их сентенции, их мысли и их рифмы становятся материалом для новых соединений. Но... чуда рождения гения не происходит. А наши требования не снизились — ни к самому предмету поэзии, ни к критике ее. Потому что эти высокие требования обусловлены временем, его движением и касаются всех величин, причастных к единому литературному процессу.

КИЕВ

У ПОЛКИ НОВИНОК

«БУДТО МЕНЯ ОБМАНУЛИ...»

Когда в книге о современности есть широта философского анализа жизненных явлений, размышляющие герои, этому вроде бы только радоваться надо. Персонажам моих любимых книг всегда было свойственно искать себя, задаваться «вечными» вопросами о добре, правде, смысле своего пребывания на земле. Их поиски и раздумья часто оказывались созвучны моим собственным мыслям, они предупреждали от скоропалительных решений или же указывали выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Читая книги, думаешь вместе с их героями, споришь или соглашаешься с ними и, разумеется, с авторами. Конечно, все зависит от степени художественной убедительности. И если она высока, наше тройственное общение — читатель — герой — автор — всегда прекрасно и поучительно!

Но вот ведь в чем штука: что-то много развелось в последнее время в нашей прозе героев, как бы это помягче выразиться... лукаво мудрствующих, что ли, этаких доморощенных философов. Они тоже ищут истину, но ищут, так сказать, где-то не там. И надо заметить, книги с такими героями — нарасхват, они почти так же популярны, как детективы.

Размышляющий герой — он для меня, читателя, привлекателен, мне с ним любопытно, ищу в нем и часто нахожу много для себя нового. Но, с другой стороны, закрываю иную книгу — и такое чувство охватывает, будто меня обманули, на мякине провели. Я-то настоящей, глубокой мысли хотела, серьезного разговора о серьезном, а меня лишь подразнили модными построениями, расхожими идейками, которые выдаются за бог весть какие откровения. И, знаете ли, глухое раздражение возникает... Итак, помогите разобраться: как все же относиться к таким героям?..

Е. ЧЕЛАКОВА
СИМФЕРОПОЛЬ

ОТ ПИСЬМА — К ПРОБЛЕМЕ

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ «ДОМАШНЕЙ ФИЛОСОФИИ»

...А В САМОМ ДЕЛЕ, как к ним относиться? И нам общение с «мудрствующими» персонажами не доставляет особого эстетического наслаждения. И нам не хочется сопереживать их псевдофилософским поискам...

Но о чем, собственно, речь?

Усилился, скажем, общественный интерес ко всему экстраординарному, таинственному, пока не объясненному, будь то скрытые возможности человеческого организма, парапсихология, тибетская медицина или, например, ко всяческим верованиям, новейшим философским течениям и т. д. — текущая беллетристика услужливо отзывается на этот общественный интерес. То, что отзывается, нормально. Весь вопрос, с каким художественным, идейно-эстетическим результатом? О чем заставляют нас думать «философствующие» персонажи, которые, как недавно выразился один критик, «косяками бродят по книжным страницам»? Куда толкают и к чему зовут?

Вот некто Саломатин из повести Николая Курочкина «Смерть экзистенциалиста» («Молодая гвардия». 1983). Об этой вещи уже писал на страницах «ЛГ» Евг. Шкловский (№ 14 от 4 апреля). Герой ее, как отметил критик, вроде бы всерьез задумался о смысле жизни, «к вставшим перед ним мировоззренческим проблемам он, казалось бы, отнесся более чем личностно», «попал под идею, как под трамвай». Приглядимся все же поближе к его «философии».

«Поскольку смерть каждого из нас неизбежна,— вещает познавший истину Саломатин, — она перечеркивает любой смысл, какой бы мы ни пытались придавать нашим действиям... Вся история не судьба наша, а просто ситуация, сумма обстоятельств, в которых мы существуем... Раз я обречен, мне нечего терять и некого бояться... я абсолютно свободен». И т. д. Мы внимаем ему, прямо-таки затаив дыхание, однако то и дело ловим себя на мысли, что где-то все это уже было...

Автор повести предлагает нам соблазнительный набор имен и названий: тут Сартр и Камю, Кьеркегор и Бергсон, Шестов и Бердяев, «Миф о Сизифе» и «Бытие и Ничто», «Критика диалектического разума» и «Ситуации» и еще, и еще... Читатель заинтригован — даже если чего-то не читал, то уж во всяком случае о многом слышал...

Саломатин любопытен хотя бы тем, что «теорию» пытается проверить на практике. Уезжает из родного города, бросает работу, ночует на вокзале, в аэропорту. Здесь он встречает единомышленника по прозвищу Таракан Эдик, который учит Саломатина питаться с кладбища: «Меню вот, жаль, однообразное: яички, конфетки, печенье, яблоки, рис с изюмом... Итак, прошу к столу!» Дальше —

А вот уже сам автор: «Душа Петра Ильича (Баныкина. — **Авт.**), освеженная добровольным заточением и голодом, сейчас походила на голубое спокойное облачко, от которого исходил розовый пар». Этой цветной картинкой завершается «философская» эволюция Баныкина. Чем он теперь занят? Роет яму, чтобы напустить в нее воду и организовать пруд.

Тот же «мотив» рытья ямы как некоего философски-абстрактного действа имеется и в повести Владимира Маканина «Пред-

по полкам (как бы чего не забыть) все те новые явления, которые вызывают пристальное внимание самой широкой аудитории. Но в том-то и дело, что героям (и писателям) недостаточно просто знать о тех или иных явлениях или открытиях, недостаточна их «престижная» инвентаризация. Философско-эстетический поиск — это не досужие раздумья и не жажда какой-то абстрактной истины. Он объединяет интеллектуальные и эстетические искания с ярко выраженным гражданским

это из повести. А ведь и в самом деле много их явилось за последнее время — и в жизни, и в книгах...

ЧЕМ БОЛЬШЕ думаешь о героях, на которых «сетует» в своем письме наша читательница Е. Челакова (ее «будто бы обманули»), тем отчетливее вырисовывается схема, по которой подобные персонажи создаются. Нельзя сказать, что эта схема едина для всех, пишущих на эту тему, но что она однотипна — безусловно.

Почему сейчас многие зачитываются романом Стивена Кинга «Мертвая зона», опубликованным в «Иностранной литературе»? В чем главный секрет, в чем притягательная сила этого сознательно сориентированного на читателя произведения? Наверное, прежде всего в образе главного героя. Еще бы — «ясновидящий», супернеординарная личность! Отсюда и интерес. То же можно сказать и о наших «домашних философах» — личностях, выходящих за рамки привычных представлений о норме (нравственной, психической, поведенческой) как таковой. Этим-то и обусловлено читательское внимание.

Кто из писателей не стремится отобразить в своих книгах все то новое (пусть и не всегда позитивное), что рождает жизнь?.. Время постоянно расширяет границы познания. Любопытно: все наши «домашние философы» стремятся узнать о мире нечто такое, что недоступно окружающим. Причем не только узнать, но и проверить, как уже говорилось, теорию на практике. Во многих произведениях (и в упомянутых выше) скрупулезно разложены

Г. ГРИБОВСКАЯ,
Ю. БУГЕЛЬСКИЙ

ненных ситуаций раскрываются все новые и новые этические нюансы.

В жизни не такая уж редкость человек, который много и патетично рассуждает о нравственности и тут же, «отрассуждавшись», может походя обидеть, причинить боль своим близким, знакомым и незнакомым. Быть по-настоящему нравственным гораздо труднее, чем только проповедовать нравственность.

Персонажи романа талантливого белорусского прозаика В. Гигевича «Доказательство от противного» «философствуют» всегда и везде, даже в самых интимных ситуациях. «Философствуют» легко, на ходу — сказал и забыл, чего проще. Главное — необременительно.

Вот описание утра в квартире героя произведения — Романа Борисовича. Действующие лица пробуждаются; в том числе и дочь со своим новым «другом». За завтраком поздоровались, а заодно и познакомились. Следует долгий прием вкусной пищи и обстоятельная беседа: о научно-технической революции, о том, что академики и члены-корреспонденты ходят сейчас в джинсах и ездят на велосипедах, об отставании от жизни писателей-гуманитариев, опять же о теории относительности. Наконец позавтракали. Затем молодежь вновь скрывается в своей комнате. А Роман Борисович спокойно поднимается и решает, что пора идти на работу...

Что же, в сущности, получается? Герои романа обожают «пофилософствовать», но на деле они абсолютно глухи к радостям и бедам даже своих близких! Постараемся вспомнить, много ли добрых дел совершили в своей жизни (описанной в рамках произведений) Баныкин или Саломатин? Якушкин плачет и переживает, когда ему не удается спасти одну из своих больных. Этим он нам по-человечески симпатичен, как и тот же Роман Борисович, который безотказно чинит всем в доме радиоприемники и телевизоры. Аксиома: человек красив добром, которое он несет людям.

Ну вот всплыл в памяти еще один из отряда «домашних философов», некто по имени Антон, персонаж романа Гурама Гегешидзе «Грешник». Антон был убежден, что вокруг хаос, твердил о всеобщей абстрактной любви, мечтал освободиться от всех человеческих страстей и достичь совершенства. «Не следует потакать плоти... ибо плоть препятствует духу познавать самого себя... Дух по сути своей свободен от страстей и желаний». И т. д. Узнаете? Но вот что важно: Антон, беспочвенно «философствующий» персонаж, по мысли автора, призван как бы оттенить главного героя, он в известной мере противопоставлен Вамеху, человеку действия, поступка. Антон размышляет, говорит — и только. Вамех — действует. Он тоже мучительно ищет себя, размышляет о смысле жизни, но его философия всегда четко увязана с практическими делами, с земными проблемами, с окружающим и окружающими, которым этот человек постоянно стремится помочь. И мы, читатели, **такой** философии и **такому** герою всей душой сопереживаем.

Но не пора ли вернуться все же к главному вопросу, который задала в своем письме наша читательница: как относиться к «домашней философии» и «домашним философам»? Как относиться к книгам, их живописующим? Может, стоит вспомнить старую истину, что интересное в литературе рождается тогда, когда перекрещивается художественное и социальное. Литература тогда становится подлинной, когда всерьез размышляет о самых сложных сторонах нашей действительности, когда писателями используется весь исторический и духовный опыт народа и берется в расчет весь комплекс нравст-

«ЛГ» РЕЦЕНЗИРУЕТ

ПРЕКРАСНАЯ ЯСНОСТЬ

Юозас МАЦЯВИЧЮС. «ЯСНОСТЬ»

Стихи. Авторизованный перевод с литовского Юрия Кобрина. Издательство «Вага». Вильнюс. 1983.

В ПЛЕЯДЕ современных поэтов Литвы Юозас Мацявичюс занимает видное место и как гражданский лирик, и как главный редактор журнала «Пяргале» («Победа»), где печатаются как маститые сочинители, так и талантливая, ищущая молодежь.

Нужно обладать действительно острым ощущением быстротекущей жизни, чтобы уловить ее достойные моменты в сборнике стихотворений с кратким названием «Ясность». Не только принцип поэтического мышления в этом названии, но и определенное отношение к запечатленному бытию, к собственному пути. В этом чувствуется серьезный опыт, художественный и гражданский, опыт целого поколения, опыт отца, который «к ясности стремился. И на пути к той ясности погиб».

Поэт понимает эту высокую ясность как результат «сраженья правды с ложью», как победу правды, пусть и нелегкую. Сражение это по диалектической сути истории постоянно, отсюда приверженность автора не к праздникам, хотя и заслуженным, а к будням, ибо «повседневность — поле нашей битвы». Эта вечная битва оживает в памяти картинами Великой Отечественной войны, временем трудного послевоенного становления Советской власти в Литве, трагедией нашего современника Че Гевары, образ которого неожиданно вырастает из образа Федерико Гарсиа Лорки.

В небольшой по объему, но захватывающей обозримый период истории поэме «Передняя линия» Юозас Мацявичюс говорит определенно: «Мы, парни с передней линии, имеем право на правду», то есть право смотреть правде в глаза и право в глаза ее высказывать. Несломленная и святая вера в народ, вера в Партию дает такое право. Поднимаясь над своей родной землей, землей литовской, поэт обозревает всю тревожную нашу планету, забывая личные сомнения и заботы. И этот переход для него закономерен, так как он поэт своего времени, сквозь которое проходит его творческая мысль. Ей настолько чужд покой, успокоенность, что даже отдых природы невыносим:

Когда с утра
до ночи — вёдро,
Когда страстей
И штормов нет,
Когда в спокойствии
природа,
Не мил тебе
И белый свет.

Среди стихов патетических и лирических замечательны и сатирические строчки, где не только просто острый взгляд наблюдателя, но и понимание умудренного жизнью философа. Сочными красками расписано кафе, это ристалище умов, где «легкий градус» подогревает поверхностное «свободомыслие», где «склоняют Джойса, Ясперса, Маркузе, Фрейда» и «на ногах шатаются, свершая выбор...». Контраст между бездуховностью атмосферы бара и показной эрудицией вызывает только досаду в серьезном человеке:

И жить
порой невесело
И не хватает слов,
Когда людей я вижу,
Играющих в богов.

Души людей сравниваются с «ничейной землей», где постоянна вражда «подлости, низости и лжи» со всем, что есть подлинного и светлого в мире. И автор напоминает, имея в виду прежде всего молодого читателя, что надо в самом себе провести границу, за которой кончается «игра» и начинается «судьба». Вот почему во многих стихотворениях подчеркивается мотив «сознательности», осознанности как своих поступков, так и мыслей, постоянный контроль за своим мировоззрением.

Мне достаточно
неясности, безумья,
Неизвестности,
раздумий и сомнений.
Я по правде
стосковался
по простой.
Ради правды мы живем
на свете,
Ради правды
мы должны бороться.

Однако правды без «раздумий» не обретешь, здесь, вероятно, неточность переводчика Юрия Кобрина, сделавшего в русском варианте эту книгу. Но надо сказать, что простота и ясность переводятся на другой язык иногда гораздо труднее, чем иносказательные речи.

Так в чем еще видит обретение правды Юозас Мацявичюс?

Мне от многого
пришлось отречься,
Переоценить,
затем отбросить
На пути к нелегкой
этой правде,
Чтобы смог я обрести
в итоге
Все, что драгоценно
на планете:
Быть свободным
И счастливым жить
в отчизне,
Право быть всегда
самим собой.

Можно еще многое цитировать, но я уверен: гражданственная, страстная эта лирика найдет своего читателя, потому и завершу призывом самого Юозаса Мацявичюса из книги, достойно названной «Ясность»:

Так пусть же
здравствуют наш Век
и Эра
В бессмертном свете
ленинского Слова.

Вячеслав КУПРИЯНОВ

ЗА РУБИКОНОМ

...ное чувство — неподдель-

...не просто фразу «честь

ден». И т. д. Мы внимаем ему, прямо-таки затаив дыхание, однако то и дело ловим себя на мысли, что где-то все это уже было...

Автор повести предлагает нам соблазнительный набор имен и названий: тут Сартр и Камю, Кьеркегор и Бергсон, Шестов и Бердяев, «Миф о Сизифе» и «Бытие и Ничто», «Критика диалектического разума» и «Ситуации» и еще, и еще... Читатель заинтригован — даже если чего-то не читал, то уж во всяком случае о многом слышал...

Саломатин любопытен хотя бы тем, что «теорию» пытается проверить на практике. Уезжает из родного города, бросает работу, ночует на вокзале, в аэропорту. Здесь он встречает единомышленника по прозвищу Таракан Эдик, который учит Саломатина питаться с кладбища: «Меню вот, жаль, однообразное: яички, конфетки, печенье, яблоки, рис с изюмом... Итак, прошу к столу!» Дальше — больше: «Идемте в гости к летчику Кардовскому, — приглашает Эдик. — Ему в нишу на памятничке прежние собутыльники каждую пятницу рюмку отличного коньяка ставят. В него, правда, всякая летающая мразь валом валит. Как вспомнишь, что мушки эти кладбищенские на трупах посидели и сюда прилетели, так даже меня и то воротит». Представляете, даже Эдика воротит! А вас, читатель? Так и хочется воскликнуть: что ж это? Эпатаж, вызов?.. Впрочем, стоит ли ломать голову над тем, какую художественную, эстетическую нагрузку несут подобные картинки?

К чему приводит Саломатина попытка реализовать «теорию»? К мысли о самоубийстве. Однако ж не вышло. Оказалось, он «абсолютно не по-экзистенциалистски любит дышать». В чем убеждает итог такого «философского» поиска? В том, что права была одна умная женщина, шепнувшая в свое время Саломатину: «Брось, Володька. В наше время философией интересоваться нельзя. Можно или жить ею или жить без нее. А флиртовать с нею вредно для здоровья». Не есть ли это и авторская позиция? Он, автор, ироничен. Иронизирует над трагической судьбой своего героя. Но сквозь эту иронию так и не ясно, в чем же заключена «ошибка Саломатина». В том ли, что он увлекся именно «экзистенциализмом» и «поплыл по течению»? Или же были какие-то иные причины, приведшие его «на дно»?..

Думается, Евг. Шкловский, писавший о повести, прав: в ней мы имеем дело с авторской иронией вообще. «Безотносительно. Или относительно ко всему». В результате история Вовика Саломатина есть, а философии, мировоззренческого поиска, серьезного разговора о серьезном, говоря словами нашей читательницы, — всего этого, увы, нет.

А вот некто Баныкин из повести Владимира Личутина, которая весьма симптоматично и озаглавлена: «Домашний философ» («Современник». 1983). Пожилой человек, «мавзолей болезней». Всей логикой повествования автор стремится доказать нам, что Баныкин был «матерьялист до мозга костей, он знал силу военной пули и фронтовой вши, он все ведал про себя и про мир вещей». Оказалось, однако ж, не все. Потому как однажды «прозрел». «Сахар — яд, соль — яд, мясо — яд... копченья — яд, варенья — яд». Не торопитесь усмехаться: начинается «домашняя философия».

«Что жизнь человека? — размышляет Баныкин. — Это борьба с самим собой, а значит, с желудком... Слово — это моча, выделения организма, пот больного мозга, зудящего в лихорадке... Все от боли, от нервов, а нервы от раздумьев, раздумья — от неправильной работы пищеварения. Опять же все сводится к животу. Круг замкнулся... Может, наше воображение, скорее всего, искус души?.. Для того чтобы рассуждать о таинствах, надо тягость носить в себе, нужно хворь поселить в телесах и лелеять их; но когда утроба чиста, а душа звонка, тогда радость житья рассеивает всю скорбную темень на сердце...»

Читатель, обладающий «искусом души», то бишь воображением, пожалуй, может подумать, что ему предлагают своеобразную игру или попросту хотят разозлить: все эти «выделения организма», «пот больного мозга», «нервы от раздумьев», «утроба чиста, а душа звонка», «хворь в телесах» и «темень на сердце» — все это нечто крайне раздражающее, совершенно бессмысленное. Но спокойно: это ведь не автор говорит, это его персонаж, «домашний философ», которому позволено нести все что угодно.

...ФИЛОСОФИЯ»

А вот уже сам автор: «Душа Петра Ильича (Баныкина. — **Авт.**), освеженная добровольным заточением и голодом, сейчас походила на голубое спокойное облачко, от которого исходил розовый пар». Этой цветной картинкой завершается «философская» эволюция Баныкина. Чем он теперь занят? Роет яму, чтобы напустить в нее воду и организовать пруд.

Тот же «мотив» рытья ямы как некоего философски-абстрактного действа имеется и в повести Владимира Маканина «Предтеча» («Советский писатель». 1983).

Прислушаемся к тому, что говорит «домашний философ» Якушкин и услышим нечто знакомое: «...Жрем много и ведь жрем все больше химию, а выдержи, а поморись-ка голодом, глядишь, живая и здоровая клетка сама отвергнет все лишнее... Летающие тарелки вовсе не мираж в небе... напротив — реальность. Они, летающие,— искры нашей совести, называемой иначе интуицией: это же совесть, взывая, кричит всем нам, что жизнь на планете... повисла на волоске и что человекам пора одуматься...» Что все это такое? «Словесная свалка». Вот как выглядят «философствования» Якушкина в восприятии одного из персонажей: «Сбивался он беспрестанно. Затянув о людях, идущих к обрыву, он сбился, как водится, на галиматью о нейтрино, высоко вознес совесть клетки, но не совесть ее ядра — и вдруг осекся, хмыкнул, после чего заговорил, уж и вовсе в своих запасниках потерявшись и блуждая».

Якушкина, однако, слушали, кучковались вокруг знахаря, «духовным деланием» излечивавшего рак. Надо сознаться, что и мы, читатели, оказываемся под некоторым обаянием его личности. Мы и подсмеиваемся над ним, и жалеем старика, но вот ведь странность — напрочь забываем, что за «словесной свалкой» стоит автор, в том смысле, что всем этим он хочет нам сказать нечто важное: о той же необходимости жить нравственной жизнью, о совести и духовности и проч., но... мы, завороженные самим образом «пророка», об этом забываем. Потому ли, что авторская позиция, авторское отношение к центральному персонажу неоднозначны? А может, потому, что сама уж тема такова, что просто нам о «домашних философах», об «экстрасенсах», «знахарях» читать интересно?.. «Каплей в море, Якушкин мог остаться незамеченным — кругом уже кишели платные йоги, доморощенные иглоукалыватели, наложители рук, телепаты, и к ним, их оправдывая, люди ходили, интересовались...» — по полкам (как бы чего не забыть) все те новые явления, которые вызывают пристальное внимание самой широкой аудитории. Но в том-то и дело, что героям (и писателям) недостаточно просто знать о тех или иных явлениях или открытиях, недостаточна их «престижная» инвентаризация. Философско-эстетический поиск — это не досужие раздумья и не жажда какой-то абстрактной истины. Он объединяет интеллектуальные и эстетические искания с ярко выраженным гражданским пафосом. Без этого все куда как просто: жили-были обыкновенные люди, могли бы и всю жизнь просто так прожить, но вот однажды Якушкину бревно на голову упало, Баныкину приснился сон, что его хоронят живым, а Саломатину некий въедливый студент задал вопрос: «В чем смысл жизни?» Тут-то они и задумались не на шутку...

Интересно, что «домашняя философия» во многих случаях начинается с... голодания. Но беда в том, что на этом она зачастую и оканчивается. Наши «домашние философы» (и в книгах, и в жизни) попросту зацикливаются на психофизических и даже физиологических опытах. Отсюда и уровень результативности их жизненных поисков. Вопрос об умении управлять своим телом, о гигиене, правильной и здоровой пище — вопрос, конечно, важный, мы еще многого не знаем в этой области. Не случайно то внимание, которое всему этому уделяется: только за последние годы издано огромное количество научно-популярной, медицинской и спортивной литературы.

Но дело все в том, что овладение навыками личной гигиены является как бы взлетной площадкой для полноценной, гармонической духовной жизни. Занимаясь ТОЛЬКО голоданием, ТОЛЬКО сыроедением или вегетарианством, человек тем самым многое и теряет. Очевидно, что нельзя продуктивную в основе своей идею доводить до абсурда. Дальше-то что делать с изнуренной голоданием плотью?

Три области человеческой культуры — наука, искусство и жизнь — обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству, писал в одной из статей М. Бахтин. Таким образом, личность, перефразируя известное выражение, не только мера всех вещей, она неотъемлемая часть окружающего мира, а если шире — частица космоса.

Любой момент нашей мысли так или иначе связан с нашей жизнью, нашими поступками. И — поразительно! — все наоборот происходит с «домашними философами». Их поиск вечной истины никак не связан с тем, что их окружает, в то время, как именно в многообразии жиз-

Но не пора ли вернуться все же к главному вопросу, который задала в своем письме наша читательница: как относиться к «домашней философии» и «домашним философам»? Как относиться к книгам, их живописующим? Может, стоит вспомнить старую истину, что интересное в литературе рождается тогда, когда перекрещивается художественное и социальное. Литература тогда становится подлинной, когда всерьез размышляет о самых сложных сторонах нашей действительности, когда писателями используется весь исторический и духовный опыт народа и берется в расчет весь комплекс нравственных принципов. В большой литературе **культура философского мышления** не подлежит критике. Иное дело — те произведения, о которых говорит читательница. Здесь герои принимаются решать самые важные, «проклятые» вопросы бытия, но заходят в такие дебри, в такую непролазь — словно до них никто об этих вопросах и не задумывался, словно ничего в культуре человеческой не наработано, а явились миру баныкины, саломатины, якушкины и прочие и стали всех учить, как есть, как жить, о чем думать. А читатель, естественно, против таких «поучений», они его удовлетворить не могут. Он с героями Достоевского, Толстого, Горького, да и с кем только не решал для себя эти самые вопросы!

Спору нет, каждый автор вправе познакомить нас с тем, с кем он считает необходимым нас познакомить — может, и с «домашним философом». Другое дело — ради чего? Что он тем самым хочет нам сказать, в чем убедить или разуверить? Мы понимаем: авторы, как правило, ироничны по отношению к своим персонажам (такова их позиция). Мы также понимаем: писатели ставили своей задачей нарисовать определенный тип, характер, а не исследовать ту или иную философскую категорию. И все же, коль скоро речь идет о познании окружающего мира, правомерен, думается, вопрос: скользит ли автор по поверхности серьезных проблем или же пытается разобраться в сложных жизненных явлениях? Поднимается ли он над доморощенной «философией» своих персонажей или остается с ними, на их же уровне — в таком случае его неминуемо ждет художественная неудача. Ведь философия — дама серьезная: с ней действительно «флиртовать вредно для здоровья».

Языком графики

Иллюстрации художника В. ВЕКСЛЕРА к рассказам И. Бабеля (со стендов Всесоюзной выставки эстампа)

рит определенно: «Мы, парни с передней линии, имеем право на правду», то есть право смотреть правде в глаза и право в глаза ее высказывать. Несломленная и святая ве-

до в самом себе провести границу, за которой кончается «игра» и начинается «судьба». Вот почему во многих стихотворениях подчеркивается мотив «сознательности»,

заанной «Ясность»:

> Так пусть же
> здравствуют наш Век
> и Эра
> В бессмертном свете
> ленинского Слова.

Вячеслав КУПРИЯНОВ

ЗА РУБИКОНОМ

Игорь ЛЯПИН

Стихотворения. Издательство «Советская Россия». М. 1983.

«ЧЕРНЫЙ СНЕГ»

Поэма. Журнал «Наш современник», № 1. 1984.

С ПЕРВЫХ ЖЕ своих опубликованных стихов и до новой поэмы «Черный снег» Игорь Ляпин заявил о своей приверженности теме личной причастности к судьбе сверстников и духовной их связи с подвигами отцов. Поэт пишет об этом не риторически: «Но обрывались школьные уроки, едва седьмой заканчивался класс. Широкие отцовские спецовки перешивали матери для нас. И прямо в цех. Там звон и грохот стали нас оглушал. Там сам рабочий класс нам руки жал. Там наших батек знали настолько, что считали — знают нас».

Правдивость — отличительная черта стихов Ляпина. У него есть то, что служит надежной основой творчества, — рабочая биография. Пройден нелегкий путь: «Ведь наши книжки трудовые постарше наших паспортов». Выросший в семье металлургов, Ляпин умеет и любит во весь рост показать человека труда, душа которого близка ему и понятна.

Поэт обладает счастливым даром подмечать характерные подробности: «Учитель в полинявшей гимнастерке, прихрамывая, ходит у доски». О солдатке, стирающей белье, он пишет так: «Но были рук печальны взмахи, как, видно, и само житье, — ведь ни одной мужской рубахи, а все ребячье да свое». Неповторимы такие приметы времени, как тряпичный футбольный мяч, парусиновая обувь и «нитки белые затерты химическим карандашом», и то, «как вкусно из одной тарелки с отцом пустые щи хлебать». А когда поэт пишет о БАМе, он видит не только грандиозность строительства, но и «эту между соснами веревку с ползунками детскими на ней».

Здесь, как и в других стихах Ляпина, ухищрений никаких нет, есть подлинное чувство — неподдельное, искреннее, настоящее. И — конкретный образ. И потому стихи его дышат жизнью, а не литературщиной, любовью, а не декларациями, яростью, а не театральными жестами. Вот строки из поэмы «Линия судьбы». Строки о его отце, бывшем рабочем, парторге ЦК партии на одном из крупнейших заводов. В трудное послевоенное время люди выходят от него окрыленными. Кого-то вдохновил парторг задушевным словом, кого-то успокоил, матери-одиночке отдал свои бесценные хлебные карточки. Пронзительно следующее объяснение парторга с женой: «И мамино лицо худое чуть задержал в руках своих: — Пойми, у нас с тобою двое, а та одна растит троих. — Меня с сестренкой обнимая, присела мама на кровать. И лишь вздохнула: — Ваня-Ваня, ну кто еще бы смог отдать...»

Сердечность — вот что считает поэт главным в поэзии. И лирика его волнует, она искренна и привлекает своей честностью. Так, в стихотворении «В мои лета» сказано о неистребимой мальчишеской прямоте, которая хороша и во взрослом человеке: «Пора к такому возрасту в себе загнать мальчишку в самый дальний угол, чтоб он не топал, не скакал, не ухал при жалкой донкихотской худобе... Живу, проблемы этой не решив. Но я-то взрослый, я-то понимаю, что я собою что-то представляю, пока во мне парнишка этот жив». Чиста и трепетна влюбленность поэта в романтику гражданской войны, в ее славных командармов: «Не каждому в суровую годину по жизни так стремительно идти, и сердца не взорвавшуюся мину ежеминутно чувствовать в груди».

Интересен цикл стихотворений И. Ляпина о русских поэтах. Это раздумье горестное и вместе с тем оптимистическое. Ибо, говоря о невзгодах и бедах, которые испытывали и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов («Теперь-то видится ясней их роковая обреченность, их страшная незащищенность от негодяев всех мастей»), Ляпин восхищается благородной рыцарственностью во имя служения народу: «Поручик пылок был и смел, и горд отвагою своею, и честь высокую имел — не просто фразу «честь имею»». Многое в этом цикле афористично и служит как бы стихотворным надгробием великим поэтам («И как поэт он сам родился, когда сказал: — Погиб поэт...»).

Серьезный шаг в творчестве Ляпина — его остросовременная поэма «Черный снег». В ней уже нет той фрагментарности, которая отличала «Линию судьбы». Молодой столичный журналист силою судеб оказывается причастным к житейскому конфликту в так называемой «глубинке», в деревне на Оке. И как-то незаметно, ненавязчиво перед читателем один к одному ставится все больше серьезных, наболевших вопросов сегодняшнего дня — от совестливого, неравнодушного отношения к людям и до тревоги за судьбы всего человечества. И когда лирический герой встречается в Италии с откровенным проявлением фашизма, он задумывается о том, что в нашей «стране народ не злобный, но кое с чем в ней счет особый — намек на свастику любой снесли бы вместе со стеной».

Давным-давно окончена война, но до сих пор кровоточит память народа. «И вот она, земля, во всей красе, и небо — быть не может голубее. Мы едем Ленинградским, а правее, вон там, — Волоколамское шоссе». Сказано о светлой, ясной, радостной жизни. И в то же время — с какой болью! Ведь и на Волоколамском обелисков — как цветов...

И нет ничего удивительного, что однажды после солнечного, белоснежного дня в уютном домике на берегу Оки, когда, казалось бы, и сны должны быть легкими и белоснежными, снится герою поэмы черный снег. «Как черный цвет не вяжется к зиме! И тут, как от наивности прозревший, вдруг понимаю: чудом уцелевший, стою я на обугленной земле».

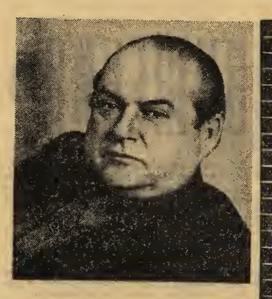
«Как много фамилий, как мало имен! Поэтов у нас изобилие. Но как нелегко перейти Рубикон, чтоб именем стала фамилия!».

Справедливость этих строк Николая Доризо подтверждает и поэзия Игоря Ляпина, чья фамилия стала литературным именем.

Анатолий КОНСТАНТИНОВ

Евгений ВИНОКУРОВ

Эллада... О ней я думал с детских лет, меня влекли ее культура, ее искусство, ее философия. Человечество многим обязано этой маленькой стране, герои ее мифов стали символами, к которым мировая культура обращается тысячелетия и, я уверен, будет обращаться еще долго и впредь.
Особенно привлекают меня монументальные образы эллинской культуры — культ мужества, физической и духовной силы, живший в древних греках, близок и понятен нам. В цикл, посвященный героям древности, органически входят стихи о новой Греции, о партизанском движении в годы войны. Этот цикл — из книги, выходящей в издательстве «Советский писатель».

Граник

Как некогда в спартанских древних войнах,
с лиц почерневших вдаль глядят белки.
На склоны Граника
в колоннах стройных
восходят партизанские
полки...
На целый мир страна их знаменита!
Они сегодня вступят с марша в бой!
В них мужество
спартанцев Леонида,
проход в ущелье заперших собой.
Хоть пятна пота на груди — не латы,
упрямо сжат
покрытый солью
рот...

В них бродит кровь
воинственной Эллады.
И голос предков
к высоте зовет...

Полночь

Когда замолкнет Гимн Советского Союза
и в сон уйдет весь дом московский наш,
ко мне являлась молодая муза
и в пальцы мне вставляла карандаш.
С крылами за спиной и неодета,
чуть-чуть испугана и несколько бледна,
тогда от электрического света,
неопытная, щурилась она.
Обняв меня рукой своей за шею,
по белому листу мой карандаш вела...
Она являлась некогда к Орфею,
и он бросал ради нее дела!..
Но, утомясь от песенного лада,
под утро я, упав на стол, усну...
А родиной ее была Эллада.
Я до сих пор люблю ее страну.

Эллада

Сползала
ледников громада
над диким
сумраком лесным...
Но вот возникла вдруг
Эллада,
и этот факт необъясним!
Еще дикарь ползет на тура,
и поднимает дрот рука...
Но вдруг затеплилась культура
и озаряет на века!..

И с веткою летит
Афина...
И в окружении колонн,
как будто бы из парафина,
вдали белеет Парфенон.
Подернут мир еще туманом...
Но, подобрав высокий тон,
рассказывает афинянам

Эвридика

Не услышу
голос Эвридики,
буду, как и прежде,
одинок...
Стебель придорожной повилики
вдруг увижу
возле самых ног.
И цветок в ладонях разминая,
ощущу невидимую связь...
Я стою,
и благодать земная
широко и просто
разлеглась.
Нет небес на свете беззаботней,
но угрюм полузаросший дот...

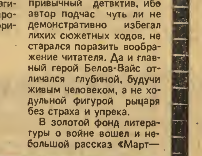
Тонкий голосок из преисподней
до меня вот так
и не дойдет.

Прометей

Из печени не вытянет когтей
угрюмый коршун...
Зевс бесчеловечен?..

Прикованный к скале, тоскует Прометей,
его удел мучителен и вечен!
Он поднят над землею напоказ,
и даль пред ним распахнута такая,
что видит он долины
и Кавказ
под ним сияет,
льдинами сверкая...
Он в сердце ощущает страшный грех!
Затем, что видит,
как, велик и ярок,
гуляет между домовых застрех
огонь,
что людям послан был
в подарок,
и гибнут люди от того огня.
Орудья бьют.
Беда неустранима!..

И коршун машет крыльями,
гоня
от Прометея
злые
клубы дыма.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Вадима КОЖЕВНИКОВА

ТВОРЦЫ БУДУЩЕГО

Т О, ЧТО для многих нынешних читателей является историей, — первые пятилетки, Великая Отечественная война, для Вадима Кожевникова было фактами биографии. Он родился в 1909 году в семье ссыльных революционеров в далеком сибирском городе Нарыме. Его мать в 1906 году была судима по делу о московской большевистской типографии на улице Лесной, а среди друзей семьи было много людей, хорошо знавших Владимира Ильича Ленина. Будущий писатель с детства слышал яростные споры о политике, о жизни и будущем страны, о войне и мире, о земле и воле.

В герое романа «Заре навстречу» мальчике-подростке Тиме Сапожкове много автобиографического. Он узнает и постигает мир во время великой исторической перемены, вобравшей и годы самодержавия, и Февральскую и Октябрьскую революции, и установление Советской власти, и начало гражданской войны. На долю Тимы выпадает много нелегких испытаний, выдержать которые ему помогают прекрасные нравственные уроки, данные мальчику профессиональными революционерами, закаленными подпольной работой, тюрьмой, ссылкой. Поэтому и главным героем романа, по существу, является обобщенный образ революционного народа, начинающего новый этап в жизни всего человечества.

Старшие товарищи Тимы, его родители заняты главным делом своей жизни — переустройством мира на новый, справедливый лад. Они преданы этому делу до конца. Вот эта преданность делу привлекает во всех героях В. Кожевникова. В разных произведениях она выступает в совершенно различных ипостасях. Но никогда дело не становится синонимом просто работы, профессии. Дело — это вся жизнь, оно требует максимальных душевных и физических сил героев.

Именно максимализм такой постановки вопроса и вызывал споры вокруг различных произведений писателя, ибо В. Кожевников принадлежит к тому кругу литераторов, которые своими произведениями не просто задают вопросы, но и умеют верно ответить на них. Именно поэтому многие произведения автора «Заре навстречу», «Знакомьтесь — Балуев!», «Щита и меча», «В полдень на солнечной ...ское отступление, и прямой публицистический монолог, обращенный к читателю.

В творчестве писателя отчетливо прослеживается полемическое начало, своеобразный вызов читателю, желание расшевелить мысль. В начальной стадии это полемическое начало проступало в несовпадении внешнего облика героя и его внутренней сути. Некоторые критики даже видели в этом чуть ли не принципиальную особенность кожевниковской прозы. Действительно, мастер-искусник Чибирев из рассказа «Сорок труб мастера Чибирева» неказист — ростом невелик, с противно моргающими веками, визгливым голоском, да и характер у него не мед — капризный, как говорится, ...

...портрет оказался на Доске почета, о нем стали писать газеты, его выбирали в президиумы, он обменивался опытом. Петухов стал рекордсменом, ибо работал на простой операции. Не сразу понял Григорий, что между рекордсменством и мастерством лежит глубочайшая пропасть. И только тогда, когда Григорий отказывается от искусственно создаваемых для него условий труда, истинные мастера своего дела Зубриков и Золотухин помогают ему стать настоящим специалистом, Испытание славой стало для Петухова испытанием на рабочую нравственность.

Этот эпизод из жизни Петухова многое дает читателям для понимания той моральной атмосферы, что царит в рабочем ...

...общей идеи. Писатель внимателен к каждому герою, это позволяет воссоздать богатство народной жизни, полнее передать происходящие в ней изменения.

Многолюдна, многогеройна и повесть «Знакомьтесь — Балуев!», повесть полемическая, вызвавшая в свое время споры. Произведение это, написанное в период восстановления в нашей жизни ленинских норм в государственной и внутрипартийной жизни, затрагивало целый спектр проблем, связанных с авторитетом руководителя, методами хозяйствования, умением работать с трудовым коллективом. От чего зависит успех? Кто выручит в трудную минуту? Как влияет нравственность на общее дело? Множество ...

...ной из высших аттестаций человека. Многие его любимые герои своими руками ковали Победу. Роман «Щит и меч», заслуженно получивший широкое читательское признание, стал одной из первых, как отмечалось в критике, попыток осмыслить войну в ее экономических, социальных, политических и идеологических аспектах. Эта попытка тем более интересна, что писатель избрал форму детектива, хотя это был и не совсем привычный детектив, ибо автор подчас чуть ли не демонстративно избегал лихих сюжетных ходов, не старался поразить воображение читателя. Да и главный герой Белов-Вайс отличался глубиной, будучи живым человеком, а не ходульной фигурой рыцаря без страха и упрека.

В золотой фонд литературы о войне вошел и небольшой рассказ «Март — апрель», опубликованный в 1942 году на страницах газеты «Комсомольская правда». Ни война, ни тяжесть испытаний не смогли погасить чувство любви, возникшее в капитане Жаворонкове и ...

> «С темы «трудового и ратного героизма» я начал свой писательский путь и, очевидно, никогда не расстанусь с ней».
>
> Вадим КОЖЕВНИКОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Секретариат правления СП СССР направил приветствия Галлаю Марку Лазаревичу, Иструу Богдану Спиридоновичу

М. Л. ГАЛЛАЮ — 70 лет

«Токарь ленинградского завода, летчик-испытатель, боевой летчик Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, доктор технических наук, широко признанный писатель — вот основные вехи Вашего жизненного пути.

Всю свою жизнь Вы посвятили росту могущества отечественной авиации. В дни Великой Отечественной войны Вы громили гитлеровских асов в небе Родины, братской Польши, фашистского рейха, в дни мира Вы неутомимо, самоотверженно и бесстрашно испытывали в воздухе новые модели самолетов, крепя боевую мощь ВВС — воздушного щита нашей Отчизны.

Ваш трудовой и боевой подвиг Советская Родина отметила своим высшим боевым отличием, присвоив Вам звание Героя Советского Союза и наградив Вас тремя орденами Ленина, четырьмя — Красного Знамени, орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и многими медалями.

Придя в художественную литературу, Вы и здесь прокладываете новые трассы. Широкому советскому читателю полюбились Ваши прекрасные книги «Через невидимые барьеры», «Испытано в небе», «В полетах и после полетов», «Третье измерение» и другие, Ваши глубокие очерки и статьи в печати. Они по-новому раскрывают героический труд авиаторов, славят отважных и умелых, зовут молодежь на подвиг во имя и во славу Отечества.

Своей большой общественной деятельностью, высокой ответственностью, принципиальностью коммуниста-ленинца, стремлением помочь товарищам в их труде и большой личной скромностью Вы снискали ...

Но вот возникла вдруг
Эллада,
и этот факт необъясним!
Еще дикарь ползет на тура,
и поднимает дрот рука...
Но вдруг затеплилась культура
и озаряет на века!..

И с веткою летит
Афина...
И в окружении колонн,
как будто бы из парафина,
вдали белеет Парфенон.
Подернут мир еще туманом...
Но, подобрав высокий тон,
рассказывает афинянам
теорию идей
Платон.
Старик поет собратьям юным,
но вот, как снизойдя с высот,
ударил по дрожавшим струнам,
заканчивая петь,
рапсод.
Хотя залезли
в глубь пещеры,
в зловещих космах,
люди гор,
возвышенное чувство меры
уже прославил
Пифагор.
И хоть
ни склада и ни лада
еще на этом свете нет,
но гармоничная Эллада
провозгласила свой завет.

Тертей

Отступая,
воины послали
вестника за помощью
домой...
Граждане им старичка прислали,
он был низок ростом
и хромой.
— Что ж это, однако, за затея?..

С лирой он стоял
и без меча.
Воины смотрели на Тертея,
в тыщу горл
над бедным хохоча...

Но когда старик рванул по струнам,
вдруг поднявши лиру над собой,
и запел, —
решительным и юным
воинам
вдруг захотелось
в бой!..

Армия рванула всей громадой,
сбросив натиском врага в провал...

Позади Тертей,
старик горбатый,
с розовой пролысиной,
хромал.

Пифагор

Жил философ
в этой жизни бренной...

Не добро и зло,
посреди таинственной вселенной
ставил он число...
Нравственных не завещал он
правил,
рукописей нет...
Но, однако, все-таки оставил
он один запрет!
Жил философ мирового лада,
умер он уча:

«Угли в очаге мешать не надо
острием меча».

Затем, что видит,
как, велик и ярок,
гуляет между домовых застрех
огонь,
что людям послан был
в подарок,
и гибнут люди от того огня.
Орудья бьют.
Беда неустранима!..

И коршун машет крыльями,
гоня
от Прометея
злые
клубы дыма.

Сократ

У Сократа был когда-то демон.
Доверял ему Сократ вполне.
Но откуда говорил он? Где он?..

Был он у Сократа
в глубине!..
И не ум, и не житейский опыт.
Вслушивался, что ни говори,
в этот странный, в этот дальний
шепот
голоса, что где-то там,
внутри...
И на свет не выходить условясь,
демон был безобразен, бескрыл...

Что ж, Сократ тогда,
быть может,
совесть
самый первый на земле
открыл!

Тело

Юноша
чернокудряв и розов,
он выходит на спортивный наст.
Разве может в мире быть
философ,
если он к тому же не гимнаст?..
Если он не правит колесницей,
мысль какую даст ему нутро?
Если диска мощною десницей
не кидает,
выставив бедро?
Кожа до озноба запотела,
но идет он, лаврами увит!..
Мысль о мире
поставляет тело,
о вселенной тело говорит.
В мускулы втерев пред схваткой пасту,
он идет средь крика по кольцу!..
Надо верить мудрому гимнасту,
бегавшему быстро
мудрецу!..
Подчинясь высокому закону,
трудные сошлись на ринге лбы!..
Мысль о мире острая
к Платону
приходила в острый миг
борьбы.

жизнь, оно требует максимальных душевных и физических сил героев.

Именно максимализм такой постановки вопроса и вызывал споры вокруг различных произведений писателя, ибо В. Кожевников принадлежит к тому кругу литераторов, которые своими произведениями не просто задают вопросы, но и умеют верно ответить на них. Именно поэтому многие произведения автора «Заре навстречу», «Знакомьтесь — Балуев!», «Щита и меча», «В полдень на солнечной стороне», «Корней и кроны» удивительно тесно связаны с тем временем, в котором они были написаны. Рассказы, повести, романы В. Кожевникова всегда остросовременны и острозлободневны. И каждое его произведение продолжает давно начатый бой с поклонниками эстетствующей литературы, невнятно вещающими про некие вечные общечеловеческие проблемы, которыми якобы только и должно заниматься «истинное» искусство и которому будто бы противопоказано заниматься текущими проблемами, ибо это удел ремесленников, удел публицистики.

Да, творчество В. Кожевникова публицистично, даже открыто публицистично. И в этом не слабость, а сила его таланта. И в литературу он пришел через очерк, публицистику.

Жизненный материал, приметы новой, советской действительности, которыми писатель стремился насытить свои произведения, требовали оперативности и лаконичности. Поэтому на первых порах предпочтение отдавалось очерку, рассказу, новелле. И даже потом, когда писатель станет осваивать большие литературные жанры, давняя его приверженность к короткой форме будет ощущаться. Оттого в его повестях и романах можно обнаружить как бы вставные новеллы, однако они, как правило, органично связаны со всем действием, проясняют его и дополняют. Вообще надо заметить, что В. Кожевников в своем творчестве предпочитает свободную эссеистическую форму, в которой сочетаются и рассказ, и философское размышление, и лириче-

БУДУЩЕГО

Чибирев из рассказа «Сорок труб мастера Чибирева» неказист — ростом невелик, с противно моргающими веками, визгливым голоском, да и характер у него не мед — капризный, как говорится, куражливый. Оттеняя эти черты характера, писатель словно возбуждает в читателе неприязненное отношение к умельцу. Но вот герой начинает работать, и все внешнее, наносное уходит, раскрывается его душа. Чибирев говорит о себе: «Я, ребята, древних мастеров почитаю. Они в известь для прочности яичного белка прибавляли. Да и сам кирпич был больше, сановитей, обжигистей. Рукодельный кирпич, бессмертный. Нынче кирпичи подчас как из каши лепят. Такие по легкости различить можно. Я белый кирпич не люблю. Я красный кирпич люблю, румяный, чтоб с музыкой, со звоном».

Вот это удивление и преклонение перед истинным мастерством будут испытывать многие герои В. Кожевникова. И не просто испытывать, но и стремиться самим стать мастерами.

Уважением к мастерству, стремлением постичь его, заразить этим читателей продиктовано и дотошное стремление писателя вникнуть в существо, в подробности профессиональной деятельности своих героев. Эта увлеченность порой и подводит писателя, ибо без иных описаний и технических тонкостей его произведения могли бы вполне обойтись. В этих случаях ловишь себя на мысли о том, будто автор в незримом споре с оппонентом доказывает доскональное знание жизни и ее проблем.

Однако мастерство бывает разным. Однажды с героем романа «В полдень на солнечной стороне» Григорием Петуховым случился казус: он выполнил за смену два плановых задания. Вскоре его славой стало для Петухова испытанием на рабочую нравственность.

Этот эпизод из жизни Петухова многое дает читателям для понимания той моральной атмосферы, что царит в рабочем коллективе. И таких эпизодов в произведениях В. Кожевникова множество, ибо он умеет видеть жизнь, в маленьких частностях замечать принципиальные проблемы. И не только замечает, но и умеет объяснить их с точки зрения классовой. Справедливо замечание критика В. Литвинова о том, что В. Кожевников в концепции человека «на первый план выдвигает классовое в личности, прежде всего высвечивает социальную сферу ее отношений с окружающим. Писатель стремится к тому, чтобы сама натура героя, его душевный строй недвусмысленно говорили нам о той общественно-исторической почве, на которой человек вырос. Кожевников ведет своего героя «по самой грани», в наибольшей приближенности к собственно социологической теме. Он утверждает, что любые душевные коллизии, проявление воли, ума, стремлений, инстинкта, несдержанного чувства — все имеет определенную общественную цену, связано с психологией общества, с характером труда и производственных отношений».

В большинстве своих произведений писатель стремится создать образ не отдельного героя, а целого коллектива, запечатлеть моментальный снимок класса или общества в определенный период. Отсюда многонаселенность произведений персонажами. Его книги схожи с многолюдными общежитиями. Общежитие, жизнь общежитейская, жизнь общая. И каждый герой неповторим и необходим. Он и сам по себе и в то же время несет часть общей нагрузки, том руководителя, методами хозяйствования, умением работать с трудовым коллективом. От чего зависит успех? Кто выручит в трудную минуту? Как влияет нравственность на общее дело? Множество самых различных проблем обрушивается на руководителя строительства магистрального газопровода Балуева. И, на первый взгляд, от многих он может отмахнуться — мол, не мое дело, не моя забота. Однако и автор, и сам герой яростно доказывают обратное. И совсем не потому, что такая уж натура у Балуева, которому до всего есть дело и который всегда готов прийти на помощь. Балуев убежден, что нынешний хозяйственник отвечает за состояние души человека не меньше, чем за состояние техники, истинный руководитель ищет в человеке лучшее, а найдя его, использует на государственную пользу. Кредо Балуева: «...Каждый должен сердцем понимать и беречь каждого человека, для себя беречь, потому что все на всех работают и все во всех заинтересованы. А отсюда мораль: от нравственности каждого человека зависит мое материальное, жизненное благополучие».

Балуев не отделяет вопросы сугубо производственные от сугубо личных, по которым он принимает в заранее обозначенные часы. Есть просто вопросы жизни, которыми он занимается постоянно, как занимался этим и на фронте. Поэтому не случайно костяк, основу его производственного коллектива составляют бывшие фронтовые товарищи.

Для Вадима Кожевникова, уже на второй день Великой Отечественной начавшего работать в фронтовой газете «Красноармейская правда», а позднее ставшего корреспондентом «Правды», познавшего многотрудные военные дороги, слово «фронтовик» является од-

апрель», опубликованный в 1942 году на страницах газеты «Комсомольская правда». Ни война, ни тяжесть испытаний не смогли погасить чувство любви, возникшее в капитане Жаворонкове и радистке Михайловой, чувство, вселившее в них энергию, обусловившее крепость духа. Рассказ этот пронизан удивительным оптимизмом, неуемной жаждой жизни.

Жажда жизни, социальный оптимизм, глубокое чувство истинных хозяев своей Родины отличают и представителей трех поколений рабочей династии Должиковых из романа «Корни и крона». Все они — мастера высшей квалификации, партийцы, фронтовики. Их судьба — это судьба страны, их заботы — это сегодняшние заботы современного рабочего коллектива. Как всегда, В. Кожевников затрагивает самые злободневные проблемы. Его герои предлагают новаторскую перестройку всей заводской жизни по методу единого бригадного подряда. Судьба машиностроительного завода — это судьба главных героев, ибо Должиковы не могут жить без завода, как и завод не может существовать без них. Их трудовая династия создает на заводе удивительный микроклимат, их трудовой пример заразителен. Герои романа много и ожесточенно спорят — и об ответственности каждого за общее дело, и о рабочей совести, и о рабочей находчивости, смекалке. Все они уверены: нельзя любить день завтрашний, не преображая своим трудом, борьбой, культурой день нынешний.

И совершенно справедливо для многих читателей имя Вадима Кожевникова в первую очередь ассоциируется с героической, созидательной темой в советской литературе.

Александр ЕГОРУНИН

Фото В. КРОХИНА

советскому читателю полюбились Ваши прекрасные книги «Через невидимые барьеры», «Испытано в небе», «В полетах и после полетов», «Третье измерение» и другие, Ваши глубокие очерки и статьи в печати. Они по-новому раскрывают героический труд авиаторов, славят отважных и умелых, зовут молодежь на подвиг во имя и во славу Отечества.

Своей большой общественной деятельностью, высокой ответственностью, принципиальностью коммуниста-ленинца, стремлением помочь товарищам в их труде и большой личной скромностью Вы снискали и себе высокое уважение коллег по летному труду и по литературе».

Б. С. ИСТРУ — 70 лет

«Ваши стихи и поэмы, проникнутые тонким лиризмом и затрагивающие самые жгучие жизненные проблемы, завоевали признание широкого круга читателей не только в Молдавии, но и далеко за ее пределами.

Вы начали свой творческий путь в условиях буржуазно-помещичьего строя, антинародную, эксплуататорскую сущность которого гневно разоблачали в своих ранних произведениях. Вы уделяли много внимания собиранию и изучению богатейшего молдавского фольклора, благотворное влияние которого чувствуется на всем Вашем поэтическом творчестве.

Ваш талант по-настоящему расцвел после восстановления на родной земле Советской власти. В годы Великой Отечественной войны Вы выступали в печати, по радио, прославляя подвиги советских людей на фронте и в тылу. Всенародной борьбе против агрессоров посвящены многие Ваши стихи и поэма «Весна в Карпатах».

Всесоюзному читателю полюбились Ваши книги, издававшиеся в Москве и в союзных республиках («Родные берега», «В добрый час», «Тысячи голосов», «Избранное», поэмы «Похорна», «Боль теней»). За поэму «Татарбунар» Вам присуждена Государственная премия Молдавской ССР в области литературы и искусства.

Вы успешно сочетаете творческую работу с общественной деятельностью. Многие годы являлись одним из руководителей Союза писателей Молдавии, его партийной организации. Ваши заслуги перед Родиной отмечены орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и другими. В 1983 году Вам присвоено звание народного писателя Молдавии».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

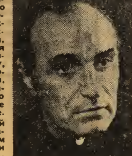
А. А. АГРАНОВСКИЙ

На 63-м году жизни скончался известный советский публицист Анатолий Абрамович Аграновский.

Без малого 40 лет назад литературный сотрудник отдела информации «Литературной газеты», Анатолий Аграновский выступил с репортажем о примечательном событии в жизни послевоенной Москвы — открытии столичного Дома журналиста... Так впервые в центральной печати появилось имя, которому суждено было стать одним из достойных имен отечественной публицистики.

Талант Анатолия Абрамовича Аграновского развивался и креп в упорном труде очеркиста-газетчика, тесно связанного с жизнью народа. Глубокий демократизм, обусловленный складом воспитания и образования, обостренная социальная чуткость, взыскательнейшее отношение к слову, к форме, в которую отольются суждения о том, что сегодня волнует миллионы, придавали его выступлениям широкое общественное звучание.

Член Союза писателей СССР с 1955 года, он работал в документальном кино, создавал сценарии художественных филь-

мов, писал повести, но подлинным призванием писателя был очерк. Видеть диалектику жизни, безбоязненно вникать в ее противоречия, выносить на суд общественности и силой гласности утверждать все честное, дельное, нужное для торжества коммунистических идеалов, — таково писательское кредо Анатолия Аграновского. Такие его очерковые работы, как «Уметь и не уметь», «Суть дела», «Как я был первым», «Левша на космодроме», и многие-многие другие — это исполненные гражданской страсти и художественной силы свидетельства летописца о том, чем живет, во что верует, как прокладывает дорогу в будущее советский народ, озаренный именем великого Ленина.

Достижениям Анатолия Аграновского в публицистике, получившим по справедливости права эталона, суждена долгая жизнь.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили труд писателя-публициста, наградив его орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

Светлая память об Анатолии Аграновском навсегда сохранится в наших сердцах.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП РСФСР

«ДАТЬ КАРТИНУ НЕБЫВАЛОГО ДВИЖЕНИЯ»

22 апреля 1929 года вышел первый номер «ЛГ»

Первая полоса первого номера «Литературной газеты»... Портрет Ильича... Передовая статья, в которой четко сформулирована программа нового печатного органа. Нам показалось интересным сегодня, спустя 55 лет, перелистать подшивку «Литературки» образца 1929 года, перечитать строки, несущие на себе печать своего времени.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ
Двойственность германской политики
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН
На фабрики, на заводы!

«Литературная Газета» начинает выходить в эпоху напряженного социалистического строительства... Писатель, уча и воспитывая других, в то же время и сам должен воспитываться и совершенствоваться.

(«ЛГ», № 1, из передовой статьи)

О мастере и его учебе

Мне кажется, что за всю историю человечества не было эпохи, когда бы в течение такого ничтожного отрезка, как десятилетие, вдруг хлынула бы в жизнь столь мощная волна пишущих книги... людей, которые вчера были кочегарами, пастухами, а сегодня уже писатели. Среди них есть люди безграмотные, но, действительно, талантливые. Они не умеют писать, но им есть о чем писать. Что делать, товарищи, с такими людьми? Им надо как-то помогать, — это наш долг.

(«ЛГ», № 8, из речи Максима ГОРЬКОГО на съезде крестьянских писателей)

Трибуна писателя

Открывая с первого номера отдел «Трибуна писателя», редакция будет давать в нем место дискуссионным статьям писателей, полемике...

(«ЛГ», № 1)

Федор ГЛАДКОВ: «Точное исследование всех мелочей производства, обязательное участие, как постоянного наблюдателя, в процессах труда, внимательное ознакомление с важнейшей литературой изучаемого дела, с цифрами, с фактами, с событиями, тесная связь с людьми (с рабочими, инженерами, прорабами, с партийными и общественными работниками), связь до задушевной близости — стать «своим человеком» на предприятии и строительстве... — вот путь, по которому нужно идти в своей работе писателю».

(«ЛГ», № 16, из статьи «Не реставрация, а реконструкция»)

Мариэтта ШАГИНЯН: «Пошлость имеет разные паспорта. За границей она прописывается как «мода», у нас она поселилась под кличкой «штамп». Вреднее, разрушительней, убийственней штампа у советской действительности нет врага. Стоит родиться хорошему лозунгу или умному делу, как оно тотчас же штампуется и начинает вести себя прижилалкой».

(«ЛГ», № 16, из статьи «Лики пошлости»)

Юрий ОЛЕША: «Мы должны в советской литературе создать новых Дон-Кихотов и Гулливеров».

(«ЛГ», № 26)

Писатели на фронте социалистического соревнования

Весь мир следит за великим опытом социалистического соревнования... Советские писатели, по инициативе «Литературной Газеты», в ряде очерков дадут разнообразную картину небывалого движения.

Н. ОГНЕВ: «Рабочая энергия — страшной силы взрывчатое вещество. Но даже динамит в умелых руках взрывается только тогда, когда нужно. Динамит можно зажечь, и он будет гореть спокойно и ровно, освещая и согревая. Энергия, направляемая коллективной волей, в миллиарды раз могущественней динамита. Она — искомый со времени Архимеда рычаг».

(«ЛГ», № 10, из очерка «Ставка на авторитет»)

Валентин КАТАЕВ: «Ленин терпеть не мог, когда ему говорили или писали в докладах, что то-то и то-то будет сделано. Он требовал сведений о том, что уже сделано. И только этим сведениям доверял и только эти сведения ценил и клал их в основу своих работ и заключений...

В деле социалистического соревнования самую большую трудность и представляет именно поднятие трудовой дисциплины. С уверенностью можно сказать, что если трудовая дисциплина предельно поднята, и рабочий день действительно уплотнен, — дело сделано на девяносто девять процентов... Все дело в том, ощущает ли себя рабочий хозяином будущего, понимает ли он, что революция продолжается, хотя и приняла иные, так сказать, производственные формы».

(«ЛГ», № 11, из очерка «То, что я видел»)

В защиту литературного вуза

Я хочу подчеркнуть... особое значение такого вуза именно в наше время, когда в литературу пошла сельдяной плотностью рабочая и крестьянская молодежь, у которой нет ни культурного наследия отцов, ни личного опыта братьев, приезжающих на каникулы из университета...

Писательская общественность требует от Наркомпроса решительных мер по организации литературного вуза.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ
(«ЛГ», № 1)

Долой Шиллера!

...Передовой художник пролетариата пойдет не по линии романтики, т. е. не по линии мистифицирования действительности, не по линии выдумывания героической личности, «как рупора духа времени», не по линии «нас возвышающего обмана», а пойдет по линии наиболее последовательного, решительного и беспощадного «срывания всех и всяческих масок» с действительности.

Александр ФАДЕЕВ
(«ЛГ», № 28)

За Шиллера

Прекрасным образцом жизненности шиллеровских традиций является самый крупный художник нашего времени Владимир Маяковский... Остановившись именно на явлении творчества Маяковского, и приходится не согласиться с основной установкой Фадеева — «Долой Шиллера».

Но зато наличие строгого отношения к себе, явное из статьи Фадеева, показывает, что подо льдом его мотивировок течет горячая кровь строгого к себе и ко времени художника.

Дмитрий ПЕТРОВСКИЙ
(«ЛГ», № 33)

Открытое письмо В. В. Маяковскому

...Прошу вас ответить мне на страницах этой газеты, чем объяснить появление в вашей пьесе «Клоп» поэта БАЯНА, который в обществе мещан импровизирует двустишие:

Олег Баян
От счастья пьян...

Вадим БАЯН

Ответ В. Маяковского

Вадим Баян!
Сочувствую вашему горю.
Огорчен сам.
О чванстве не может быть и речи.
Объясняю:

1) Каждый персонаж пьесы чем-нибудь, на кого-нибудь обязан быть похожим. Возражать надо только на несоответствие, на похожесть обижаться не следует...

Вы указываете сходство других «откровенных параллелей» и «признаков». Тогда обстрел этих признаков сходства с антипатичным, но типичным персонажем становится уже «уважительным» с «точки зрения советской общественности», и если это так, то я оставлю моего «героя» в покое, и придется переменить фамилию вам.

(«ЛГ», № 14)

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Песня в честь аэроплана

Автомобиль появился на свете, окруженный иронией карикатуристов, и долго не мог дожить до признания.

Кино существовало первые годы в атмосфере презрения. Существовало не в тексте, а в объявлениях.

Несколько восторженнее был принят аэроплан.

Но первый полет в тогдашнем Петербурге вызвал следующие негениальные стихи куплетиста:

Потерял он гайку,
Уселся на лужайку,
Латам там-там
Тарам там-там...

Я помню эти стихи в Летнем Буффе.
Приняты они были восторженно.
Публика им подпевала, что тогда было крайней редкостью...

Новое накапливается в старом вне порога сознания. Искусство видеть меняющийся мир равно искусству изобретателя.

(«ЛГ», № 28)

Михаил СВЕТЛОВ

Мой голос

(Отрывок)

Индустрия-мать встает, шевеля
Сосцами высоких труб,
И в небо восходит черный пар
Горячего молока...
Такое сравненье, может быть,
Натянуто слегка,
Но я воспитан и вырос я
От черного молока.

(«ЛГ», № 16)

За создание более справедливого мира

Что бы ни случилось в будущем, живой или мертвый, я хочу, чтобы мое имя осталось записанным среди непоколебимых соратников новой России!

Ваш французский брат
Ромен РОЛЛАН
(«ЛГ», № 2)

Стефан Цвейг о советских поэтах

Они одеты в обыкновенные рабочие блузы или крестьянские вышитые рубашки. Ни у одного из них, вероятно, нет ни смокинга, ни фрака. Ни у кого из них нет комфортабельной квартиры... Но зато они обладают счастьем иметь широкую читающую публику, быть теснейшим образом связанными с самыми глубинами своего народа... Европейская литература увидит еще тысячи сюрпризов, которые к ней придут из России.

(«ЛГ», № 6)

Книга, о которой не пишут *

** Под этой рубрикой «Лит. Газета» будет давать оценку книгам, которые несправедливо замолчала критика.*

Илья Ильф и Евг. Петров. «Двенадцать стульев»

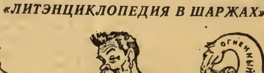
Глазами остроумных скептиков, глазами живых, по-настоящему чувствующих нашу современность людей, смотрят на мир Петров и Ильф...

Глаза Петрова и Ильфа — глаза не врагов, а друзей. И поэтому авторы на редкость обладают чувством меры и такта. Они прекрасно знают, где нужно дать тонкую иронию друга, где насмешку, где сатиру врага (по отношению, скажем, к тому же «бывшему» — Воробьянинову).

Ан. ТАРАСЕНКОВ
(«ЛГ», № 9)

Публикацию подготовил
Э. ИОДКОВСКИЙ

«ЛИТЭНЦИКЛОПЕДИЯ В ШАРЖАХ»

Д. БЕДНЫЙ М. ГОРЬКИЙ Ф. ГЛАДКОВ
Рис. КУКРЫНИКСОВ

9 мая 1945 года ему исполнился 21 год.

сороковых, тянется суровая нить к шестидесятым.

слово «арбатство», приду-

Булат Окуджава. — Я ро-

литературе, вы называли в

...На экране — кусок

Как часто мы сетуем се-

грамотные, но, действительно, талантливые. Они не умеют писать, но им есть о чем писать. Что делать, товарищи, с такими людьми? Им надо как-то помогать, — это наш долг.

(«ЛГ», № 8, из речи Максима ГОРЬКОГО на съезде крестьянских писателей)

Трибуна писателя

Открывая с первого номера отдел «Трибуна писателя», редакция будет

своей работе писателю».

(«ЛГ», № 16, из статьи «Не реставрация, а реконструкция»)

Мариэтта ШАГИНЯН: «Пошлость имеет разные паспорта. За границей она прописывается как «мода», у нас она поселилась под кличкой «штамп». Вреднее, разрушительней, убийственней штампа у советской действительности нет врага. Стоит родиться хорошему лозунгу или умному делу, как оно тот-

В защиту литературного вуза

Я хочу подчеркнуть... особое значение такого вуза именно в наше время, когда в литературу пошла сельдяной плотностью рабочая и крестьянская молодежь, у которой нет ни культурного наследия отцов, ни личного опыта братьев, приезжающих на каникулы из университета...

Писательская общественность требу-

Огорчен сам.

О чванстве не может быть и речи.

Объясняю:

1) Каждый персонаж пьесы чем-нибудь, на кого-нибудь обязан быть похожим. Возражать надо только на несоответствие, на похожесть обижаться не следует...

Вы указываете сходство других «откровенных параппелей» и «признаков». Тогда обстрел этих признаков сходства с антипатичным, но типичным персона-

Д. БЕДНЫЙ *М. ГОРЬКИЙ* *Ф. ГЛАДКОВ*

Рис. **КУКРЫНИКСОВ**

Булат ОКУДЖАВА:

НА ЛЮБОВЬ СВОЕ СЕРДЦЕ НАСТРОЮ...

9 мая 1945 года ему исполнился 21 год.

— После госпиталя я был в Тбилиси, — рассказывает Булат Окуджава. — Моя тетка подарила мне в этот день сто рублей, на которые можно было купить бутылку сухого вина, что мы с приятелем и сделали, и пошли бродить по ликующему городу. Люди целовались. Обнимались. Многие плакали. А меня, помню, все время преследовало ощущение вины, особенно когда я говорил с теми, у кого кто-нибудь не вернулся.

На войну я пошел добровольцем, после девятого класса, в 1942 году. (Есть у меня об этом рассказ «Утро красит нежным светом...», опубликованный в «Литгазете».) Пошел не из жажды приключений, а воевать с фашизмом. Был патриотически настроенным мальчиком, но и романтиком тоже, конечно. Романтизм очень скоро, буквально через несколько дней, улетучился: оказалось, война — это тяжелая, кровавая работа. Был ранен, мотался по госпиталям, потом снова передовая, Северо-Кавказский фронт, и я уже не минометчик, а радист тяжелой артиллерии. Остался жив. Рождения 24-го мало кто уцелел. Война все время со мной: попал на нее я молодым, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко...

«Победа нас не обошла, да крепко обожгла», — писал он в «Ангелах». У него много таких военных стихов и песен, которые и не нюхавших пороха берут за душу, а что уж говорить о бывших фронтовиках. «Ах, война, что ж ты, подлая, сделала...», «Вы слышите: грохочут сапоги...», «Ленька Королев», «Мы за ценой не постоим...» из кинофильма «Белорусский вокзал»... И в сценариях, и в прозе, даже исторической — о временах полуторавековой давности, как, например, новый роман «Свидание с Бонапартом», — и здесь война, размышления о войне, осмысление войны.

Хотя Окуджава пришел в литературу позже, чем «военное поколение», но его гражданская, нравственная позиция определялась именно там, на фронтовых дорогах, когда каждый час жизни, каждая ее минута могли оказаться последними. Оттуда, из сороковых, тянется суровая нить к шестидесятым, к сегодняшнему дню. Оттуда, из пережитого, — те принципы, которые навсегда стали мерилом явлений и людей, их поступков, их человеческой сущности.

«Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими, не жалейте ни пуль, ни гранат и себя не щадите, и все-таки постарайтесь вернуться назад», — писал он о мальчиках, ушедших в пекло войны. «Будьте высокими» — этот нравственный постулат как точка отсчета на все времена.

И разве не от имени Леньки Королева, который, «если другу станет худо и вообще не повезет, он протянет ему свою царственную руку, свою верную руку, и спасет», — разве не от имени его и своих сверстников говорит нам поэт сегодня: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке»? И разве не от имени их, для кого девизом было — «мы за ценой не постоим», он внушает нам сегодня: «Дверям закрытым — грош цена, замку цена — копейка!»

Да, сегодня не надо подниматься в атаку, идти в разведку, выносить однополчанина с поля боя — и все это рискуя собственной жизнью, но и сегодня, пусть в других, мирных, совсем не экстремальных ситуациях, все равно жизнь постоянно испытывает человека на «прочность», надежность, верность долгу, чести, совести...

«Арбатство, растворенное в крови, неистребимо, как сама природа», — пишет поэт, используя в песне, как он сам объясняет, слово «арбатство», придуманное старшеклассниками одной московской школы, для которых оно — символ любви к Москве, ее традициям, символ товарищества. Ребята эти, заметим, ровесники тех, кто уходил когда-то из московских дворов, из московских школ на фронт...

Еще в одной из ранних своих песен поэт признавался в любви к Арбату: «Ты — моя религия... ты — мое отечество». Он и книжку так назвал — «Арбат, мой Арбат». И потом в разных его стихах так или иначе звучал «арбатский» мотив.

А рядом с арбатской, московской нотой все эти годы в его творчестве ясно слышится другая — грузинская. «Виноградную косточку в теплую землю зарою, и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву, и друзей созову, на любовь свое сердце настрою... А иначе зачем на земле этой вечной живу?» Горы, небо, сам воздух Грузии, ее краски вошли в стихи Окуджавы.

Не знаю, бывают ли «примитивисты» или «неопримитивисты» в поэзии, но искусство Окуджавы кажется сродни им, и в особенности, конечно, грузину Пиросмани. Дело тут не в красках даже, хотя, наверное, и в них, но главное — какой-то «детский» взгляд на мир. Мы говорим о доверчивом, открытом человеке: большой ребенок, детская душа. Как жаль, что на ухабистых дорогах жизни утрачиваем мы это драгоценное свойство...

— Моя родина — это Арбат, — рассказывает Булат Окуджава. — Я родился на Большой Молчановке, воспитывался в арбатском дворе, в детстве у меня была русская няня, из деревни, все это я впитывал, жадно воспринимал и рос истинным арбатцем. Потом меня стали возить в Грузию, на родину отца и матери. Так параллельно с арбатской появилась грузинская линия, возник какой-то второй поток во мне. И все же я оставался москвичом, и в поэзии меня воспитывал русский фольклор. После войны учился в Тбилисском университете, но чувствовал себя арбатцем, грустил, страдал в отрыве от Москвы. Когда заканчивал учебу, попросил направить меня на работу в Россию, а уехав из Грузии, став калужским учителем, я вдруг почувствовал в себе грузинскую кровь. Так эти два потока во мне сосуществуют.

И потому среди недавних стихов — рожденные, можно сказать, одновременно «Надпись на камне», которая подтверждает пронесенную сквозь годы верность «арбатской религии», и «Памяти Галактиона» — о замечательном грузинском поэте Г. Табидзе.

— Галактион Табидзе был мужем сестры моего отца, очень любил свою жену, посвятил ей чудные стихи. Я помню его прекрасно и по детским впечатлениям, и по университетским годам — красивого, огромного, доброго бессребренника...

— Булат Шалвович, мне не раз доводилось слышать на ваших творческих вечерах, как в ответ на вопрос о том, кого вы считаете своими учителями в литературе, вы называли в прозе — Пушкина, Л. Толстого, Гофмана, Т. Манна и в поэзии — Пушкина, Пастернака, Киплинга... И в прозе — Пушкин, и в поэзии — Пушкин. Что значит Пушкин в вашей писательской, человеческой судьбе?

— Пушкина я по-настоящему открыл для себя поздно, в 40 лет. Хотя читал его с детства и думал, что люблю. Но именно думал. Оказалось, что я его не знал, не понимал, а просто участвовал в общем хоре. А в сорок лет я почувствовал Пушкина и стал перечитывать его другими глазами. Как стихи моего близкого хорошего знакомого, как стихи дорогого мне человека, чья трагедия аукнулась во мне очень сильно. Я не литературовед и не могу объяснить свое внутреннее притяжение к Пушкину. Я вижу в Пушкине для себя идеал. Он недостижим, но важно стремление приблизиться к нему. И потом, Пушкин для меня колоссальная личность во всех отношениях — и в литературном, и в человеческом. Среди прочих у него есть еще одно достоинство, очень мне дорогое, которое заключается в умении смотреть на самого себя иронически. Пушкин — солнце творение русской культуры не одного века.

Фото Г. ШАКИНА

...На экране — кусок из фильма М. Хуциева «Мне двадцать лет»: в Политехническом выступают молодые поэты, выходит с гитарой молодой Окуджава. Мы видим слушателей, тоже молодых, с горячими глазами, захваченных поэзией. Кончаются кадры фильма, и там же, в Политехническом, спустя двадцать лет начинается авторский вечер Булата Окуджавы. И он так же берет гитару и поет песни тех лет и новые, буквально на днях сочиненные, и так же, как тогда, заполнен до отказа зал — стоят в проходах, сидят на ступеньках, и так же проникновенно слушают.

Конечно, поэт говорит о себе, о своем лирическом герое, но ведь и о нас, и обо мне тоже. Несуетные, нехитрые строки — их хочется слушать, их хочется потом перечитывать, а так ли часто мы перечитываем что-то в наш суматошный, суперинформационный век? Стихи об очень простых, всевечных и всегда насущных вещах, потому что жизнь наша, если она, к счастью, и освещена ими — любовью, товариществом, удачей... все равно этого света душа просит еще и еще... Чтоб он был ярче, сильней, не угасал дольше. Его, этого света, не бывает для человека в избытке...

Как часто мы сетуем сегодня, что наш век сделал людей очень уж деловыми, вкладывая в это понятие — «деловой» — не только энергичность, предприимчивость, но и умение обособиться, отстраниться от чужих проблем: для этого всегда находится и объяснение, и отговорка. Дефицит отзывчивости, чуткости — кажется, самый страшный дефицит. И потому так ценно и ценимо то, что провозглашает художник: «Давайте жить, во всем друг другу потакая, — тем более, что жизнь короткая такая».

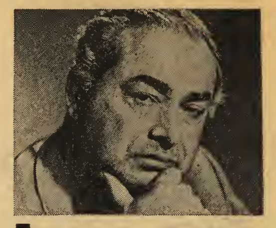
Было время, когда Булат Окуджава писал только стихи, или преимущественно стихи, а потом наступила пора прозы. Но сейчас, судя по периодике, снова пробил «час поэзии» — в разных журналах появились стихотворные публикации, и одновременно в «Дружбе народов» печатался роман «Свидание с Бонапартом».

— Да, да... В издательстве «Советский писатель» должна вот-вот выйти книга, в которой собраны старые стихи, наиболее удачные, и много новых, написанных в последние годы. Я рад и выходу книги, и тому, что после нескольких лет молчания снова пишутся стихи. Трудно оценивать самому свою работу. Но мне кажется, что в последних стихах проявилось какое-то новое качество, и это меня радует, всегда ведь топчешься в преддверии чего-то замечательного... Впрочем, может, я и заблуждаюсь. Тем более, что таинственный силуэт будущей прозы настойчиво требует к себе внимания.

У меня, в общем, счастливая литературная судьба. Она сложилась из многочисленных трудностей, препятствий, конфликтов — это ли не счастье! Судьба меня закалила, многому научила и в то же время не лишила способности выражать себя теми средствами, которыми наделила природа. Хорошо или плохо я ими распорядился — не мне судить. Во всяком случае, я очень старался. Если б я умел обольщаться на свой счет, я бы считал, что мне предстоит теперь написать самую значительную свою вещь. Но, к счастью, я научился не обольщаться...

Беседу вела
Ирина РИШИНА

Шамиль ПИЛИА

■

...Все чаще я грущу, все чаще злость
клокочет в горле, душит ветром дымным.
Все, что узнать мне в жизни довелось,
теснит покой, подобно грубым льдинам.
Как в юности, вы, чайки, надо мной...
Той давнею порою изначальной,
далекой, незабвенною весной
я так любил вас, так вам верил, чайки!
Мы были неразлучны и во сне,
а утром лучше не было подарка:
парили вы — и жизнь являлась мне
во всей красе с холмов родного Гарпа.
По этим дням меня томит тоска,
когда взмывал на крыльях ваших нежных
под ласковое пенье ветерка
ввысь, в небо — в ярких звездах
и надеждах!
А то казалось: на гребне волны
я мчу куда-то вслед за взмахом крыльев.
Что так же волен я, как вы вольны,
в дни юности моей вы мне открыли.
И ураган подхватывал меня,
но не боялся я крутого вала,
и, сквозь завесу волн, зовя, маня,
вновь солнце ослепительно вставало.

*Абырчаман**

Абырчаман, колючка... Как она,
орехами приправленная щедро,
красива, притягательна, вкусна,
хотя всего колючка вообще-то!

К ней, видно, руку приложил поэт,
и не узнаешь в ней колючку-злючку.
Не обойдется без нее банкет...
Полезной можно сделать и колючку.

* Колючее растение (абхазск.).

■

Мороз, ты щиплешь уши мне,
иголочками колешь щеки.
Ты доказал уже вполне,
что ты могучий и жестокий.

Мороз, умерь-ка прыть свою!
Просить пощады не заставишь.
Рожден я в солнечном краю...
И ты от солнца мягче станешь.

Перевела с абхазского
Римма **КАЗАКОВА**